

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.
/ Серия: Археология СССР. [т. 10] М.: Наука, 1992. 494 с. ISBN 5-02-009916-3

Население Западной Сибири и Забайкалья в скифо-сарматское время.

[Введение. Общая характеристика.] ^

Изучение археологических памятников в Туве началось значительно позднее, чем в Южной Сибири, первоначально как продолжение и расширение исследований, проводившихся в Минусинской котловине. Первым этапом были раскопки А.В. Адрианова в 1915-1916 гг. (в северных районах) и С.А. Теплоухова в 1926-1927 и 1929 гг. (в разных районах). Значительная часть раскрытых ими курганов относилась к эпохе ранних кочевников. Результаты этих работ получили отражение только в информационной статье, где отмечалось своеобразие памятников и предлагалась возможная их датировка [Теплоухов С.А., 1929]. Детальному анализу полученные материалы подверглись лишь через десятилетие (Сосновский Г.П.), публикация же их последовала ещё позднее [Полторацкая В.Н., 1966].

После войны сложились новые условия, способствовавшие началу планомерных археологических работ с целью воссоздания древней истории края и его населения. Наряду с местными исследователями активную роль в этом сыграли центральные научные учреждения и в первую очередь Академия наук СССР.

В 1947 г. часть территории Тувы была обследована Саяно-Алтайской экспедицией АН СССР во главе с С.В. Киселёвым. В 1953-1954 гг. разведки продолжил Институт этнографии АН СССР (А.Д. Грач); одновременно учёт памятников и небольшие раскопки начал Тувинский краеведческий музей (С.И. Вайнштейн).

С 1955 г. раскопки приобрели систематический характер. Они велись ежегодными экспедициями Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (С.И. Вайнштейн, М.Х. Маннай-оол), Тувинской археологической экспедицией Московского государственного университета, возглавляемой Л.Р. Кызласовым (1955-1960, 1962 гг.), Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедицией Института этнографии АН СССР, руководимой Л.П. Потаповым (1957-1963, 1961-1966 гг.), и Саяно-Тувинской археологической экспедицией Института археологии АН СССР (с 1965 г. руководитель А.Д. Грач, с 1972 г. — С.Н. Астахов). Наиболее крупные исследования памятников ранних кочевников проведены последней преимущественно в зоне затопления водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС.

Быстрое накопление новых материалов и анализ добытых ранее очень скоро показали необходимость разработки самостоятельной хронологической периодизации памятников Тувы. Уже в 1958 г. практически одновременно в печати были предложены две принципиально близкие ее схемы, опирающиеся на периодизацию, принятую для Южной Сибири. По одной из них, более полной [Кызласов Л.Р., 1958], в пределах эпохи ранних кочевников выделялись две последовательно существовавшие культуры: уюкская, относящаяся к скифскому периоду VII-III вв. до н.э., с подразделением на ранний (VII-VI вв. до н.э.) и поздний (V-III вв. до н.э.) этапы, и шурмакская, принадлежащая гунно-сарматскому времени II в. до н.э. — V в. н.э., также с подразделением на ранний (II в. до н.э. — I в. н.э.) и поздний (II-V вв.) этапы. Согласно второй схеме, памятники скифского периода также были отнесены к одной культуре, названной казылганской [Вайнштейн С.И., 1958].

Продолжавшийся рост материалов вызвал тенденцию к созданию более дробных периодизаций. Так, казылганская культура была подразделена на четыре этапа: ранний (без

наименования) — VII-VI вв. до н.э.; кокэльский — VI-V вв. до н.э.; казылганский — V-IV вв. до н.э. и озен-ала-белигский — IV-III вв. до н.э. [Вайнштейн С.И., 1966б]. Одновременно культура гунно-сарматского периода получила второе название — сыынчурекская [Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П., 1966]. Дополнительное членение на три этапа было предложено и для уюкской культуры: первый — VII-VI вв. до н.э.; второй — V-IV вв. до н.э.; третий — IV-III вв. до н.э. [Маннай-оол М.Х., 1970]. Однако ни в одном случае не была дана необходимая аргументация.

Исследование кургана Аржан в Уюкской долине привело к выявлению очень раннего археологического комплекса эпохи ранних кочевников, и был поставлен вопрос о возможности выделения в Туве «предскифского» периода [Грязнов М.П., Маннай-оол М.Х., 1973]. Этот комплекс затем явился одной из основ для новейшей периодизации скифского периода на всей территории степного пояса Евразии, предложенной М.П. Грязновым [1979а. С. 4-7]. Подавляющее большинство исследователей придерживается мнения о развитии в Туве на протяжении всего скифского периода единой культуры. Но высказана и другая точка зрения, согласно которой памятники VIII-VI вв. до н.э. относятся к одной культуре — алды-бельской (подразделяемой на два этапа — аржанский VIII-VII вв. до н.э. и усть-хемчикский VII-VI вв. до н.э.), а более поздние, V-III вв. до н.э., к совершенно иной — саглынской (подразделяемой также на два этапа — саглынский V-IV вв. до н.э. и озен-ала-белигский IV-III вв. до н.э.); затем следует улуг-хемская культура, относящаяся уже к гунно-сарматскому периоду [Грач А.Д., 1971; 1980]. Базой для этой периодизации послужили результаты раскопок своеобразных ранних курганов в саянском каньоне Енисея (Хемчик-Бом III, V) и вблизи него (Алды-Бель). Имеющиеся материалы, однако, не подтверждают смену культуры около середины I тысячелетия до н.э. [Маннай-оол М.Х., 1970; Окладников А.П., 1980; Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У., 1980]. Что касается дробной периодизации, то и в данном случае она не получила реального обоснования. Отсутствие общепринятой периодизации памятников Тувы объясняется прежде всего высокими темпами накопления новых материалов, заметно опережающими их публикацию. Кроме того, датировки, как правило, базируются на аналогиях вещевым находкам в материалах из других областей степного пояса — прежде всего Минусинской котловины и Алтая. Постулированная изначально возможность прямой синхронизации их не подверглась проверке, а она не всегда подтверждается новыми материалами. Приближенность датировок часто обусловлена многократными последовательными захоронениями в одной могиле. Все дробные периодизации остаются предположительными и в некоторых случаях имеют субъективную окраску.

При современном уровне знаний в принципе сохраняет своё значение периодизация, предложенная Л.Р. Кызласовым, но в неё необходимо внести некоторые коррективы. Культура скифского периода (уюкская) существовала более длительное время — в пределах VIII-II вв. до н.э., причём оба предела датировки подлежат дальнейшему уточнению. Фактические материалы позволяют сейчас разделять этот период на три этапа: начальный (аржанский), ранний и поздний. Первый из них в данном случае рассматривается как время формирования уюкской культуры. Рубеж III и II вв. до н.э., принятый в указанной периодизации в качестве границы двух периодов и соответствующих им культур, следует считать реальной вехой прежде всего в политической истории. Динамика же культур носила более сложный характер. Новые материалы дают основания выделять между скифским и гунно-сарматским периодами переходный этап, который по времени, во всяком случае частично, совпадает с ранним этапом шурмакской культуры в периодизации Л.Р. Кызласова. Характерная для гунно-сарматского периода культура, наиболее полно и отчетливо представленная в могильнике Кокэль, хронологически должна быть отнесена к следующему этапу.

Возможно, что погребения по обряду трупосожжения, известные пока лишь в небольшом числе, можно будет в дальнейшем отнести к более позднему, третьему, этапу гунно-сарматского периода.

Основным источником фактических данных о культуре скифского периода являются могильники, исследованные в разных частях Тувы, но в наибольшем числе — в ее центральных районах (карта 10). Важные дополнительные сведения получены в результате изучения древних выработок рудных месторождений и остатков металлургического производства. Материалы, связанные с сезонными стоянками, ещё крайне ограничены.

Ареал уюкской культуры частично выходит за пределы Тувы и включает в себя во всяком случае часть северо-западной Монголии и восточную окраину Алтая. На западе он граничит с территорией распространения пазырыкской культуры; на севере — с ареалом тагарской культуры; восточная и юго-восточная границы ещё недостаточно ясны. Число памятников повсеместно весьма велико, но значительная часть их ограблена (преимущественно в гунно-сарматское время).

Могильники, сильно варьирующие в размерах, как правило, расположены на возвышенных местах, вблизи берегов рек, нередко там, где имеются и погребения эпохи бронзы. Характерная черта их — размещение погребальных сооружений сравнительно правильными цепочками, вытянутыми обычно и меридиональным направлением или вдоль течения реки. В могильниках часто имеется несколько цепочек, расположенных линейно или параллельно друг другу.

Погребальные сооружения (такое наименование здесь более точно, чем курганы) характеризуются значительным многообразием (табл. 71; 73). Они отличаются друг от друга конструкцией как наземной части, так и внутримогильного устройства. Наибольшее разнообразие, даже при учёте разрушений, вызванных ограблением, наблюдается у наземной части. В исследованных памятниках известны следующие типы погребальных сооружений, которые могут быть подразделены на подтипы в зависимости от наличия и формы ограды, а также варианты, определяемые конструкцией внутримогильного устройства:

I. Округлые и овальные (иногда четырёхугольные) каменные насыпи, обычно имеющие чёткое обрамление из больших камней («крепиду»), под которыми расположено несколько могил часто разного устройства (узкие деревянные срубы, каменные ящики, колоды, грунтовые ямы).

II. Круглые земляные (и каменно-земляные) насыпи, под которыми расположено несколько могил часто разного устройства (деревянные срубы, колоды и грунтовые ямы).

III. Круглые каменные насыпи, часто окружённые кольцевидной или прямоугольной каменной оградой, изредка в одной ограде бывает несколько насыпей (табл. 73, 3, 4). Могила (исключая случаи прихоронений) одна (деревянный сруб, каменный ящик, грунтовая яма).

IV. Круглые (или первоначально четырёхугольные) земляные насыпи, изредка окружённые кольцевидной каменной оградой. Могила одна (деревянный сруб, каменный ящик, грунтовая яма). Бывает, что вследствие проседания насыпи в яму на поверхности прослеживается лишь впадина, окружённая невысоким земляным валиком.

V. Круглые земляные насыпи, имеющие каменное покрытие, переходящее в окружающие их кольцевидные «платформы». Могила одна (деревянный сруб). Исследованы лишь в северных районах (Уюкская долина).

VI. Каменные куполообразные (?) конструкции, как правило, являющиеся одновременно перекрытием внутримогильного устройства. Обычно окружены кольцевидной оградой. Могила одна (деревянный сруб, каменный ящик, цистообразная камера и яма, обставленная большими плитами). Известны только в центральных районах (табл. 73, 11, 13).

VII. Четырёхугольные каменные выкладки, обычно с чётко выделенными краями, иногда окружённые кольцевидной оградой. Могила (исключая случаи прихоронений) одна (деревянный сруб, каменный ящик, могила с плитами в торцах, сверху перекрытая брёвнами, а также колода, ступенчатая яма, грунтовая яма) (табл. 73, 1).

VIII. Небольшие четырёхугольные каменные выкладки. Могила одна (каменный ящик, колода, грунтовая яма). Иногда выкладка одновременно служит перекрытием ящика (табл. 73, 5).

В устройстве каменных насыпей и выкладок наблюдаются различия, носящие, по-видимому, локальный характер. Вариации такого же порядка прослеживаются у срубов, они бывают из брёвен, полубрёвен, брусьев и т.д.

В некоторых могильниках известны отдельные каменные наземные сооружения больших размеров со сложными оградами — в частности, напоминающими в плане колесо (табл. 73, 2) и часто имеющими противоположные входы. Это обычно сочетается со значительной глубиной ям, на дне которых расположены срубы. Крупные земляные насыпи в северных районах (Уюкская долина) обычно окружены небольшими кольцевидными каменными выкладками. Все такие особенности, по-видимому, обусловлены особым положением погребённых. Нередки случаи, когда наземная часть сооружения отсутствует, что обычно сочетается с относительной бедностью инвентаря погребений.

Особое место занимает курган Аржан в Уюкской долине (табл. 71, 7-9) — целиком наземное сооружение грандиозных размеров (диаметр около 120 м). Он состоит из центральной бревенчатой клетки и окружающей её сложной системы радиально расположенных трапециевидных клеток различных размеров (их насчитывается более 70). Клетки были перекрыты бревенчатым накатом, над которым имелось каменное покрытие. Весь комплекс окружали откос из коротких брёвен и стена из плит. Вокруг него располагалось кольцо из двух-трех рядов небольших круглых наземных оградок. Посредине центральной клетки был сложен квадратный сруб с двойными стенками, в котором стояли две колоды; ещё шесть колод и два узких сруба располагались вдоль северной, западной и южной стенок клетки, вдоль восточной её стенки были обнаружены остатки шести конских скелетов. В трапециевидных клетках находились многочисленные скелеты лошадей и ещё семь погребений в колодах. Этот курган, очевидно, был местом погребения главы обширного племенного объединения. Условно он именуется царским.

Ряд фактов позволяет полагать, что какое-то время были распространены также погребальные сооружения с цистообразными и иными наземными камерами, характерные для предшествующей эпохи. Но крайняя малочисленность и фрагментарность вещевых материалов не даёт возможности установить их точную дату. Особая осторожность в этих случаях обусловлена тем, что от этого зависят понимание путей сложения уюкской культуры и трактовка разных типов погребальных сооружений скифского времени в социальном аспекте.

Обряд погребения, зафиксированный в могилах различных типов и вариантов, относительно единообразен (табл. 73, 6-10, 12). Скелеты, как правило, лежат на боку — левом или, реже,

правом, с согнутыми ногами; руки чаще всего вытянуты перед туловищем в направлении к коленям, но бывают также согнуты. Иногда встречается положение ничком — также всегда с согнутыми ногами и руками. Случаи вытянутого положения на спине очень редки и известны главным образом в относительно ранних могилах. Сравнительно часто в камерах (срубам и больших каменных ящиках) наряду с непо потревоженными скелетами имеются компактные скопления костей, причём прослеживается более или менее отчетливое воспроизведение их анатомического порядка. Это захоронения полуразложившихся трупов или костей, уже лишённых мягких тканей; тела умерших, очевидно, какое-то время до погребения хранились в кожаных или матерчатых мешках, остатки которых иногда удаётся зафиксировать.

Ориентировка скелетов не строго определённа, хотя заметно преобладает западная с разными отклонениями (преимущественно на север); встречается также иная, разных направлений. Это обусловлено системой размещения тел умерших в пределах погребального сооружения в целом, которая носит сложный характер. Для полного понимания этой системы ещё нет достаточных данных, но отчётливо прослеживаются повторяющиеся схемы. Одна из них — «центрическая», когда вокруг первого по времени захоронения концентрически располагаются последующие. Другая — «линейная», когда скелеты размещены параллельно друг другу и составляют ряды различной величины.

Имеются основания считать, что погребальная обрядность была значительно сложнее, чем можно судить по её материальным проявлениям в отдельно взятых могилах. Очевидно, существовала развитая система соответствующих норм, учитывавшая многообразные аспекты положения умершего в обществе, обстоятельства смерти, предполагаемую посмертную судьбу и другие неясные нам моменты. Есть свидетельства совершения ритуальных действий до и после погребения — в частности, разжигание очистительного огня в могиле, помещение шкур животных с черепами на погребальных камерах, сооружение ритуальных выкладок и др. Однако эти детали обряда не повсеместный, очевидно, также регламентировались нормами.

На протяжении многовекового периода существования уюкской культуры происходила эволюция отдельных типов внутримогильных устройств, а также возникали некоторые модификации обряда погребения. Эти явления протекали взаимосвязанно, но при оценке их необходимо учитывать устойчивость локальных традиций. В целом прослеживается тенденция к постепенному уменьшению удельного веса погребальных сооружений с многочисленными, преимущественно одиночными погребениями под одной насыпью. Эта традиция впоследствии выступает в форме прихоронений (как правило, детей). Вместе с тем наблюдается увеличение размеров срубов и каменных ящиков, хотя стабильно сохраняется малый вариант последних. «Линейная» схема размещения погребённых приобретает с течением времени преобладающее значение, хотя сохраняются также элементы «центрической». В качестве фактора, определяющего эти изменения, отчётливо выступает увеличение числа захоронений в пределах одной камеры, которое отражает пока неясные процессы внутреннего развития общества носителей уюкской культуры.

Начальный (аржанский) этап уюкской культуры.

Наиболее ранним из известных сейчас памятников уюкской культуры является уже упоминавшийся курган Аржан. Он содержит 29 синхронных «закрытых» комплексов: центральное погребение мужчины старческого возраста и женщины зрелого возраста, 15 погребений представителей знати (за единичным исключением, лиц старческого возраста) и 13 групповых захоронений лошадей. Положение скелетов людей, установленное по их остаткам, — на левом (в одном случае — на правом) боку, с сильно согнутыми руками и ногами. Судя по размерам колод, оно было таким же и там, где кости не обнаружены.

Система расположения погребённых здесь чётко выраженная «центрическая», причем прослеживается «иерархия» их по местоположению: часть «сопутствующих» находится в центральной клетке, часть — на периферии, в радиально расположенных клетках. Но есть и элементы «линейной» схемы — размещение колод рядом, параллельно друг другу. Ориентировка погребённых неодинакова, хотя, вероятно, преобладала северо-западная.

Сопровождающий инвентарь характеризуется господством бронзовых изделий. Железные предметы и глиняная посуда здесь не обнаружены. Деревянные и кожаные изделия немногочисленны. В целом инвентарь чётко демонстрирует «скифскую триаду» в полном составе и развитом виде.

Вооружение и конское снаряжение. Оружие представлено двумя бронзовыми кинжалами, бронзовым чеканом и небольшим количеством бронзовых и костяных наконечников стрел (табл. 72, 1-15, 62-64). Оба кинжала двулезвийные, с узким крыловидным перекрестьем, имеющим округлые утолщения на концах, но с разными навершиями: у одного — валик, сходный с желобчатыми застёжками, у другого — фигурка стоящего кабана со «свисающими» вниз ногами. Чекан массивный, с длинной цилиндрической втулкой, заканчивающейся наверху муфтой; боевая часть и обушок (слегка утолщённый у конца) имеют круглое сечение (табл. 72, 62). Бронзовые наконечники стрел втульчатые двупёрые, с ромбической и лавролистной головкой (часть из них — с шипом) и пулевидные; костяные — преимущественно четырёхгранные, ромбические в сечении, пулевидный и трёхгранный (табл. 72, 1-15).

Многочисленные предметы конского снаряжения включают серии уздечек разной сохранности и различные их украшения, главным образом подвесные. Удила относятся к двум типам: со стремечковидными и с кольцевидными окончаниями, но есть единичные экземпляры первого типа с дополнительным кольцом в основании и имеющие разнотипные окончания (табл. 72, 40-42, 49, 51). Псалии все трёхдырчатые, преимущественно бронзовые, среди них преобладают изогнутые с грибовидной шляпкой наверху и конической головкой внизу. Есть аналогичные псалии из рога. В клетках с конскими захоронениями, находящихся в северной части кургана, обнаружены другие псалии (в каждой особе): бронзовые в виде слабоизогнутого стержня с утолщениями вокруг отверстий и заострёнными концами; сходные с ними роговые, отличающиеся, однако, прямым срезом верхнего конца; бронзовые в виде прямого стержня с кольцами у отверстий и выступом в нижней части (табл. 72, 28, 29). Предполагается, что они принадлежат населению, обитавшему вне Тувы.

К деталям узды относятся бронзовые и роговые бляшки-пуговицы круглой и прямоугольной формы, с одним или двумя отверстиями, а также золотые круглые бляхи (найлены в центральном срубе). Среди украшений уздечек очень мало бронзовых подвесок (стремечковидные и кольцевидные), преобладают роговые, клыки лошади и кабана и вырезанные из последних: круглые, овальные, бинарные и т.д. (табл. 72, 30, 33, 34, 38, 39).

Вместе с костями лошадей найдены предметы, выполненные в зверином стиле. Конкретное назначение их неясно. Это большая бронзовая бляха — изображение свернувшегося в кольцо хищника кошачьей породы (табл. 72, 66), пять бронзовых наверший с фигурками стоящих горных козлов (табл. 72, 47, 48) и навершие из рога оленя в виде головки коня с отчётливо переданной уздечкой (табл. 72, 35). Не устанавливается также назначение трёх желобчатых застёжек. Среди них есть каменные и деревянные, покрытые листовым золотом (табл. 72, 31).

Украшения. Сохранившиеся личные украшения немногочисленны: гривна из узкой полосы листового золота, золотые серьги со щитком, украшенным бирюзовыми вставками, и с насаженной под ним бусиной (табл. 72, 36), круглые и прямоугольные золотые бляшки с

рядами выпуклостей, пронизки из спирально свёрнутой золотой проволоки. В центральном срубе найдены небольшие треугольные и четырёхугольные пластинки из бирюзы, свидетельствующие о том, что были и другие предметы, украшенные цветными вставками. Из бирюзы изготовлены также все найденные тут бусы и бисер.

В погребальных колодах, находившихся в центральном срубе, сохранились остатки одежд из дорогих мехов (соболя) и различных шерстяных тканей, которые определены как привозные, вероятно, из стран Переднего Востока. Среди них имеется двуцветная ткань с рисунком в виде ромбов (одиночных и образующих ряды) и четырёхцветная — с рядами ступенчатых пирамидок. Одна из одноцветных тканей украшена сдвоенными ромбами.

Датировка кургана Аржан сопряжена с определёнными трудностями, так как вещественные находки из него носят в этом плане противоречивый характер, что отметили уже его исследователи (Грязнов М.П., Маннай-оол М.Х., 1973; Грязнов М.П., 1980). Основная масса бронзовых псалиев, набор наконечников стрел и различные бляшки из клыков кабана чрезвычайно близки к комплексам, известным в Северном Причерноморье и относимым к предскифскому периоду; аналогий им в Туве и ближайших областях нет. Другие изделия — удила со стремечковидными окончаниями, некоторые наконечники стрел и трёхжелобчатые застёжки — известны в западной части степного пояса в памятниках предскифского и скифского периодов. Весомость первой группы аналогий подтверждается результатами определения абсолютного возраста дерева радиоуглеродным методом (около 800 г. до н.э.). Поскольку радиоуглеродные даты подлежат корректировке по совокупности археологических данных, наиболее вероятная датировка кургана Аржан, по-видимому, лежит в пределах конца VIII — первой половины VII вв. до н.э. «Скифская триада» в полном и развитом виде предполагает формирование её в непосредственно предшествующее время — очевидно, на протяжении VIII в. до н.э. Но этот, несомненно весьма сложный, процесс не может быть прослежен, так как соответствующие памятники в Туве пока неизвестны. Курган Аржан отражает уже завершение процесса и соответственно должен быть отнесён к концу начального этапа уюкской культуры. Строго обоснованная синхронизация других памятников невозможна. Предпринятые попытки [Кызласов Л.Р. 1979; Грач А.Д., 1980] носят лишь предварительный характер и сильно расходятся по существу результатов. В частности, высказано предположение о принадлежности кургана пришлой этнической группе сакского происхождения, занявшей политически господствующее положение [Кызласов Л.Р., 1977]. Решение этого и других сложных вопросов, касающихся начального этапа уюкской культуры, будет возможно лишь после появления новых уверенно датированных материалов. Возможно, к нему следует относить некоторые курганы с наземными цистообразными камерами, в которых скелеты лежали на боку с согнутыми руками и ногами, головой на запад. Датировка возможна лишь для тех, в которых обнаружен сопровождающий инвентарь (Шанчыг; табл. 72, 65), однако остаётся предположительной.

Ранний этап уюкской культуры.

Этот этап представлен памятниками значительно более скромного облика, очевидно, принадлежащими рядовому населению. Достаточно уверенно выделяются к этому времени каменные и земляные курганы с многочисленными погребениями (типы I и II). Они составляют небольшие группы, часто находящиеся в пределах могильников, где преобладают более поздние погребальные сооружения (Алды-Бель; Ортаа-Хем II; Усть-Хадынныг I; Хемчик-Бом III и V; Чинге II). Иногда каменные курганы расположены парами, лежащими на оси север — юг, они непосредственно примыкают друг к другу или даже сливаются. Насыпи, по-видимому, сооружались после совершения определённого числа захоронений в могилах, расположенных вблизи друг от друга. Но и после этого производилось прихоронение детей непосредственно около курганов или на краю их (с разрушением «крепиды»). Центральное

место всегда занимает могила (разного устройства), в которой погребён взрослый, на периферии находятся погребения как взрослых, так и детей, иногда расположенные по сравнительно правильной дуге или незамкнутой окружности. Наиболее чётко такая центрическая система прослеживается в курганах 1 и 2 могильника Хемчик-Бом V (Грач А.Д., 1980), где прихоронения детей составляют вторую концентрически расположенную дугу. Погребения обычно единичные, но известны также парные: взрослого и ребёнка. Ориентировка скелетов при тенденции к преобладанию западной варьирует и зависит от местоположения могилы.

В некоторых каменных курганах под насыпями на древней поверхности обнаружены группы бронзовых предметов конского снаряжения (в основном уздечные наборы), условно трактуемые как клады (табл. 72, 49, 50, 59, 60). Они составляют главную основу датировки, так как сопровождающий инвентарь погребений беден и сохранился лишь частично ввиду ограбления большинства могил (это преимущественно предметы бытового назначения и украшения, составляющие небольшие повторяющиеся комплексы).

К этому же этапу относится ряд каменных курганов с одной могилой под насыпью, причём в них имеются как одиночные погребения в грунтовой яме (Зубовка) [Маннай-оол М.Х., 1970. С. 81], так и коллективные, в том числе парные — в срубках (Чинге II) и грунтовых ямах (Куйлуг-Хем I; Ортаа-Хем II) [Грач А.Д., 1980. С. 122]. Изредка на дне ямы имеется сооружение наподобие каменного ящика из сравнительно небольших вытянутых плит, поставленных на длинное ребро. Погребённые лежат на боку, с согнутыми руками и ногами, головой на запад или северо-запад. Почти все эти курганы ограблены. Датировка их устанавливается по сохранившимся предметам вооружения и ножам.

Земляные курганы, принадлежащие к данному этапу, известны только в северо-восточной части Тувы, в Тодже. Под ними расположены прямоугольные ямы, перекрытые деревянными плахами. Раскопки могильника на «Второй поляне» [Дэвлет М.А. 1975] показали, что погребения были коллективными, скелеты лежали на боку с согнутыми ногами, черепом преимущественно на север. Датировка этих курганов, также подвергшихся ограблению, устанавливается по кинжалу и ножам, очень близким к характерным для тагарской культуры; возможно, они привозные из Минусинской котловины.

В центральной части Тувы к раннему этапу могут быть отнесены некоторые погребальные сооружения с наземной частью в виде прямоугольной каменной выкладки (Аймырлыг). В двух случаях под ними располагались ступенчатые ямы, перекрытые несколькими слоями камышовых циновок. Скелеты лежали на спине вытянуто, черепом на восток или северо-восток. В головной части на уступе ямы находились в одном случае четыре черепа и кости нижних отделов ног лошадей, в другом — пять черепов козы. В одной такой могиле найдено значительное число наконечников стрел (табл. 72, 16-27), набор которых даёт возможность уверенной датировки. Кроме того, под разрушенной грабителями выкладкой обнаружен сруб с парным захоронением. Оба скелета лежали на левом боку, с согнутыми ногами, черепами на запад. Датировочными здесь являются также наконечники стрел. В пределах этого же могильного поля имеется погребальное сооружение без наземных признаков. Тут в бревенчатом срубе лежало шесть скелетов на левом боку, с согнутыми руками и ногами, черепами на северо-запад. Сопровождающий инвентарь невелик, но составляет чёткий ранний комплекс, включающий оружие и бытовые предметы (табл. 76, 30, 38; 78, 36).

Сопровождающий инвентарь погребений раннего этапа уюкской культуры характеризуется прежде всего «скифской триадой» в полном её составе, но при этом значительная часть соответствующих предметов принадлежит к иным, хронологически более поздним типам, чем представленные в кургане Аржан. Прослеживаются и другие отличия: здесь имеется

(правда, и весьма ограниченном количестве) керамика. Сравнительно много изделий бытового назначения из кости и чрезвычайно мало — из драгоценных металлов.

Конское снаряжение и вооружение. В конском снаряжении преобладают удила и другие детали узды. Упомянутые выше «клады» не дают возможности установить конструкцию узды, но, по всей вероятности, она была сходной с известной по находкам на Алтае. Все удила бронзовые, со стремечковидными окончаниями, часть из них имеет рудименты внутреннего дополнительного кольца, что сочетается с рядами прямоугольных выпуклостей на стержнях (табл. 72, 59, 60). Псалии также бронзовые двудырчатые, преимущественно У-образные, но имеется также пара изогнутых стержнеобразных (табл. 72, 58). Оба типа синхронизируются по двум «кладам», найденным под одной насыпью (Алды-Бель). Другими деталями узды являются кубические, биконические, пуговицеобразные и кнопковые обоймы, круглые и фигурные параллельные бляхи-накладки, прорезные фигурные нащёчные бляхи и предметы неясного назначения с крючками (табл. 72, 37, 50, 54-56). Вместе с ними в «кладах» найдены пары массивных трочных пряжек (одна — с крючком, другая — без него), принадлежность которых именно к узде неясна. Предметы вооружения представлены немногочисленными кинжалами и чеканами, но значительным количеством наконечников стрел. Из двух кинжалов один имеет узкое крыловидное перекрестье с загнутыми концами и валиковое навершие (клинок у него листовидный), другой — почковидное перекрестье и усечёноконическое навершие, рукоятка его снабжена двумя вертикальными желобками. Чеканы все втульчатые, с длинным, круглым в сечении бойком. Обушок одного из них завершается парой геральдически расположенных фигурок горных козлов (табл. 78, 36). Среди наконечников стрел преобладают бронзовые. Сравнительно небольшую их часть составляют втульчатые — двупёрые листовидные, трёхгранные и трёхгранно-трёхпёрые различных вариантов (табл. 72, 1-5, 16-20). Преобладают же массивные длинночерешковые двупёрые, трёхпёрые, трёхгранные, трёхгранно-трёхпёрые и четырёхгранные специфических вариантов (табл. 72, 21-27). Костяные наконечники малочисленны, имеются как втульчатые трёхгранные, так и черешковые трёхгранные и четырёхгранные (табл. 72, 4, 7, 8, 10-12, 14). В некоторых могилах найдены также цельнодеревянные стрелы с утолщённым и заострённым концом — томары (табл. 72, 13).

Орудия труда, бытовые вещи, украшения, керамика. К предметам хозяйственного назначения относятся ножи, шилья и каменные точила. Они нередко встречаются вместе, и это сочетание в известной мере может считаться характерным. Ножи все однолезвийные, но двух разных классов — с невыделенной и выделенной рукояткой (табл. 72, 43-45). Среди ножей первого класса имеются как прямые, так и с расширяющейся верхней частью треугольных очертаний. Большинство из них снабжено отверстием, расположенным у верхней части рукоятки, округлым, сегментовидным или, изредка, приближающимся к петлевидному, но часть имеет кольцевидное навершие. Ножи с выделенной рукояткой имеют разные навершия: в виде валика с тремя поперечными выступами (частично сходные с трёхжелобчатыми застёжками) и в виде фигурки стоящего кабана. Кроме того, имеется нож с полый рукояткой, в которой помещено шило (с кольцевидной рукояткой). Шилья все четырёхгранные. Большинство из них имеет сравнительно чётко выделенную рукоятку с более тонкой, круглой в сечении верхней частью и небольшой шляпкой или кольцом на верхнем конце (табл. 76, 2, 14). Наряду с ними встречаются простые стержневидные, вероятно, снабжённые маленькой насадной рукояткой из несохранившихся материалов (дерево, кость?). Точила варьируют в размерах, но всегда имеют правильную прямоугольную форму и вытянутые пропорции. Все они снабжены отверстием для подвешивания, расположенным около верхнего конца.

В некоторых погребениях найдены остатки кожаных поясов с наборами обоймообразных бронзовых блях различной формы, в том числе украшенных изображением животных (Усть-

Хадынныг). Имеются также подобные бляхи с фигурной лицевой частью. С поясами связаны очень редкие фигурные пряжки, каменные трёхжелобчатые застёжки и массивные усечённоконические многогранные пуговицы, подобные аржанским (табл. 72, 31),

Предметы бытового назначения представлены в основном зеркалами и костяными гребнями. Почти все зеркала одного типа — с вертикальным бортиком и петлевидной или кнопкообразной центральной ручкой, лишь в одном погребении найдено простое дисковидное с петлевидной центральной ручкой (табл. 76, 28, 30, 31). Гребни все сравнительно узкие, вытянутых пропорций (табл. 78, 32, 33). Характерной особенностью их является декоративное оформление верхней части, чаще всего в виде композиций из нескольких фигур животных различной величины и в разных позах, заполняющих всё пространство. Но имеются также гребни, украшенные геометрическим узором — кружковым и зигзагообразным. Украшения сравнительно немногочисленны. Это бронзовые бляшки в виде фигурки стоящего кабана, снабжённые петелькой на оборотной стороне; проволочные гривны; серьги — простые кольцевидные и с коническим дополнением в нижней части; каменные и стеклянные бусы, среди которых одна сердоликовая с травленным восьмёркообразным орнаментом, а также стеклянная со спиралевидными глазками, по-видимому, привозные с запада.

Керамика встречается чрезвычайно редко и притом обычно вне могил — около них (Хемчик-Бом V) или в других местах под насыпью. Известен лишь один почти полностью сохранившийся горшок баночной формы с треугольным в сечении валиком ниже края.

Малочисленность погребений раннего этапа уюкской культуры и фрагментарность сопровождающего инвентаря обуславливают неполноту имеющихся данных о бытовавших в то время предметах различных категорий. В частности, пока остаются почти неизвестными те варианты, которые отражают формирование типов, свойственных позднему этапу. О том, какой характер носил переход от раннего этапа к позднему, позволяют судить могилы, в которых имеются предметы, относящиеся как к тому, так и к другому. Такие сочетания встречаются не только в сопровождающем инвентаре отдельных погребений. Разнотипным по преобладанию характерных изделий бывает и инвентарь нескольких захоронений, находящихся в одной камере. Это наблюдается в погребальных сооружениях различных типов и в разных районах Тувы, что не позволяет видеть здесь случайные или локальные явления.

Показательным примером может служить парное погребение женщины и мужчины в срубе под каменным курганом (Кокэль, курган 48), где при одном скелете найдены зеркало с бортиком и шило с шляпкой, а при другом — кинжал с бабочковидным перекрестьем, проушной чекан и нож с петлевидным отверстием в рукоятке [Вайнштейн С.И., 1966а]. Подобная ситуация наблюдается и в коллективном погребении в яме под земляным курганом (Элдиг-кежиг-аксы, курган 1): у одного из трёх скелетов найден набор бронзовых наконечников стрел, включающий втульчатый двупёрый, при двух других — повторяющиеся сочетания кинжала с бабочковидным перекрестьем, проушного чекана и ножа с круглым отверстием в рукоятке. Под насыпью здесь имелись три могилы (в том числе одна — с погребением ребёнка в колоде). Этот случай (а он не единственный) свидетельствует о том, что курганы данного типа (II) сооружались не только в ранний период. Здесь существенно также число погребённых в центральной могиле: увеличение его коррелируется с преобладанием типов различных предметов, характерных уже для позднего этапа.

Об отсутствии какого-либо разрыва в развитии культуры свидетельствуют также предметы «переходного» облика, занимающие типологически промежуточное место между характерными для раннего этапа и специфическими для позднего. К ним, например,

относятся чеканы с короткой втулкой (табл. 74, 2; 78, 41) и кинжалы с перекрестьем, сочетающим черты почковидного и бабочковидного [Маннай-оол М.Х., 1970. Рис. 6, 3; 8, 12]. Сопоставление комплексов, включающих «разноэтапные» предметы, показывает, что в них представлены разнообразные сочетания, свидетельствующие о несовпадении времени бытования изделий отдельных типов. Имеющиеся материалы позволяют прийти к заключению, что изменения быстрее происходили в оружии, отчасти в конском снаряжении и некоторых бытовых предметах, в частности зеркалах. Длительное время сохранялись ножи с круглыми отверстиями в рукоятке, хотя уже на раннем этапе имеются свидетельства формирования петлевидного отверстия. Однако проследить в деталях эволюцию основных категорий предметов сейчас нет возможности. Речь должна идти о засвидетельствованных тенденциях, реализация которых происходила постепенно, по видимому, на протяжении нескольких десятилетий, а может быть, и столетий. В данном случае следует учитывать большую вероятность различных темпов распространения инноваций в отдельных областях Тувы, имевших в силу географического положения контакты с разными соседними областями.

Граница между ранним и поздним этапами уюкской культуры должна рассматриваться лишь как условное понятие. Теоретически она соответствовала моменту, когда новые явления начали преобладать над старыми, но реальных возможностей установить её место во времени нет. Чисто условно отождествление этой границы с рубежом VI и V вв. до н.э., восходящее к хронологическим схемам других областей степного пояса.

Фактические данные объективно свидетельствуют о постепенном характере изменения культуры, об её эволюционном развитии. Но это не исключает вероятности частных «скачков» — быстрого вытеснения некоторых старых типов предметов новыми, более целесообразными практически, что могло быть обусловлено не только внутренним развитием, но и воздействием извне.

Поздний этап уюкской культуры.

К нему относится значительно больше памятников, чем к раннему. Особенно чётко это выступает в наиболее полно исследованных могильниках (Аймырлыг; Чинге). Показательны также могильники, в которых ранние погребения не обнаружены. В целом все данные говорят о заметном росте численности населения и связанном с этим более полном освоении пригодных для скотоводства земель. На этом этапе существовали погребальные сооружения всех указанных типов и притом в разных их вариантах.

Увеличение числа тех и других, по-видимому, следует рассматривать как одну из характерных черт этого времени. Однако преемственность, несомненно, сохраняется, что прослеживается прежде всего в устойчивости конструкции наземных частей сооружений, которая установлена при раскопках ряда памятников. Хотя разновидности внутримогильного устройства — особенно при учёте второстепенных деталей — многочисленнее, чем на раннем этапе, основные из них повторяют уже известные. При сооружении срубов, удельный вес которых заметно возрастает, устойчиво сохранялись определённые технические приёмы (рубка углов «в лапу»). Каменные ящики, как правило, имеют стенки, образованные большими плитами. Сохраняется обычай захоронения детей в колодах, хотя это не носило характер правила.

Но вместе с тем происходили изменения. Так, уменьшилось количество курганов с многочисленными могилами под одной насыпью (Ортаа-Хем; Темирсуг II). Ступенчатые ямы на позднем этапе неизвестны. Новыми можно считать цистообразные подземные камеры и

ямы, обставленные большими плитами. Однако они (как и обычно связанное с ними куполообразное перекрытие) открыты пока лишь в центральной Туве, и время их появления неясно (табл. 73, 11, 13). Общей тенденцией является увеличение размеров погребальных камер-срубов и каменных ящиков, содержащих, за единичными исключениями, коллективные захоронения, причём число погребённых в них достигает иногда 15. Изменения в размерах камер сопровождались также изменениями их формы: преобладающей становится квадратная или близкая к ней. Большие каменные ящики всегда располагаются в одних цепочках со срубами, что указывает на их одинаковый функциональный характер. Неизменно сосуществующие с ними малые каменные ящики, содержащие, как правило, одиночные погребения, либо составляют особые подгруппы (в частности, цепочки), либо концентрируются около больших камер. В последних случаях в них имеются лишь захоронения детей младших возрастов.

В размещении погребённых внутри камер наблюдается преобладание «линейной» системы. Часто в них имеется несколько рядов скелетов, причём полным обычно бывает лишь один, расположенный в западной или северо-западной части. Другие ряды, число которых иногда достигает пяти, характеризуются как неполнотой, так и различным положением погребённых относительно составляющих основной ряд: они лежат или в том же направлении, или перпендикулярно. В ещё большей степени варьирует ориентировка скелетов, иногда она бывает противоположной даже в пределах одного ряда. Эти усложнения в погребальной обрядности, по-видимому, происходили постепенно, однако проследить соответствующую эволюцию нет возможности. Главное препятствие составляют трудности датировки, которые носят специфический характер при значительном числе захоронений в одной камере.

Во многих сооружениях со срубами встречаются впускные погребения детей (чаще всего в каменных ящиках). Местоположение их варьирует: они бывают непосредственно у края ямы, частично прорезают её, встречаются в заполнении и даже на перекрытии. Сопровождающий инвентарь свидетельствует о том, что они, а также захоронения детей, расположенные рядом с погребальными сооружениями, относятся к тому же времени, что и срубы. Это даёт основание видеть здесь прихоронения, в размещении которых наблюдаются черты «центрической» системы.

Важным отличием вещественных материалов позднего этапа является значительное число изделий из железа. Имеются основания полагать, что происходил процесс постепенного вытеснения бронзы железом, который прослеживается во многих категориях предметов. Но при этом наконечники стрел неизменно изготавливались из бронзы и кости. Железные предметы часто повторяют бронзовые вплоть до деталей, что служит одним из свидетельств постепенного хода указанного процесса. Другая особенность позднего этапа — обилие глиняных сосудов и значительное разнообразие их форм, свидетельствующее об их различном назначении. Это совпадает с вариацией наборов посуды, входящих в состав сопровождающего инвентаря. Однако керамика не становится обязательной составной частью инвентаря: нередко имеются только деревянные сосуды, а иногда посуда вообще отсутствует. При всем том «скифская триада» сохраняется полностью, хотя представлена уже преимущественно иными типами предметов соответствующих категорий. Закономерно также появление некоторых новых элементов как результат внутреннего развития и переработки заимствований извне.

Вооружение и конское снаряжение. Состав вооружения на позднем этапе не претерпевает принципиальных изменений: это также кинжалы, чеканы и наконечники стрел, но уже иных типов. Относительная многочисленность типов, а также повторяющиеся вариации отдельных деталей у ряда предметов, по-видимому, указывают на существование нескольких центров производства оружия. Большинство кинжалов изготовлено из бронзы, количество железных

относительно невелико (табл. 74, 15, 24); единичны биметаллические кинжалы — с бронзовой рукояткой и железным клинком. Основная масса бронзовых кинжалов относится к одному классу — с чётко оформленным бабочковидным перекрестьем (табл. 74, 12, 13, 20, 27). Устойчивые типы их различаются формой навершия, которое бывает брусковидным, близким к сигаровидному (массивное или уплощённое); сегментовидным (массивное или уплощённое); дисковидным; волнитообразным и зооморфным — две стилизованные головки птиц или грифонов, обращённые друг к другу (табл. 78, 34). Клинки их преимущественно прямые, сужающиеся лишь в нижней части, но встречаются также треугольные; посередине обычно имеется ребро. Рукоятка некоторых кинжалов снабжена двумя вертикальными желобками, в редких случаях — прорезью. Декоративное оформление встречается редко и носит геометрический характер. Второй класс составляют немногочисленные кинжалы с узким треугольным перекрестьем, возможно, упрощённым бабочковидным, навершия у них брусковидные (табл. 74, 11). Имеются также единичные кинжалы с перекрестьями более сложных форм: частично сходным с крыловидным, подобным бабочковидному, но с прорезями в обеих половинах, и дуговидным — с опущенными вниз концами; навершия у них кольцевидные.

Железные кинжалы также распадаются на два класса — с бабочковидным и прямым перекрестьем. Относящиеся к первому классу имеют брусковидное, дисковидное, волнитообразное или зооморфное навершие (табл. 74, 12, 24); ко второму — дисковидное или кольцевидное. Известны также немногочисленные кинжалы с зооморфным перекрестьем (навершия их не сохранились). Кинжалы носили, как правило, в кожаных ножнах, обычно состоящих из трёх частей: вытянутого чехла, в котором помещался клинок, более толстой верхней части, повторяющей по форме перекрестье и снабжённой боковым выступом для подвеса, и вставленных деревянных планок, повышавших жёсткость. Часть ножен имеет специальное отделение для ножа (табл. 74, 21; 76, 44). Декоративное оформление на них встречается редко: это зигзагообразный орнамент, нанесённый красной краской (табл. 74, 21, 23-25). Редко встречаются ножны из пары вытянутых костяных пластин, снабжённых по бокам отверстиями для стягивания (табл. 74, 22).

Чеканы, как правило, проушные (табл. 74, 3-5), хотя, по-видимому, на протяжении какого-то времени бытовали и снабжённые укороченной втулкой. Большинство их изготовлено из бронзы, железные немногочисленны, известен один биметаллический чекан. Это был широко распространённый вид оружия, о котором мы, по-видимому, имеем неполное представление, так как массивность делала его объектом особого внимания грабителей.

Бронзовые чеканы варьируют в размерах и пропорциях. Среди них наряду с прямыми имеются несколько изогнутые. Однако в этих различиях не прослеживается закономерности, и классификация возможна лишь по сечению обуха. В соответствии с этим выделяется три их типа: круглообушковые, шестиграннообушковые и овальнообушковые (табл. 74, 3, 5). Железные чеканы, по всей видимости, относятся к первому типу (табл. 74, 4). К нему же принадлежит и биметаллический чекан, у которого обломанная в древности боевая часть (вместе с половиной проушины) была заменена железной.

Помимо собственно чеканов, известны также топоры-чеканы, у которых обушок заменён плоской тесловидной частью с поперечным лезвием (табл. 74, 1). В одном случае боевая часть также плоская, но заканчивается чётко выраженным остриём. Очень редкий вариант этой группы оружия представлен топором-секирой, у которой обе части плоские, но одна, более короткая, расширяется к концу и имеет полукруглые очертания. Все чеканы были снабжены длинной (до 80 см) деревянной рукояткой, верхний конец которой закреплялся в проушине деревянным или, реже, бронзовым клинком. На нижний конец её насаживался бронзовый вток митровидной или сходной формы, закреплявшийся деревянной поперечной

шпилькой, проходившей через одинарное или пару противоположащих отверстий. Носили чеканы и, по-видимому, другие сходные с ними предметы вооружения в кожаных чехлах, повторявших в целом их форму. Кроме того, имелись чехлы для рукояток и небольшие цилиндрические колпачки, надевавшиеся на их концы, выступавшие над проушиной. Подвесом чаще всего служили сложенные пополам ремни с вырезом посредине, но имелись и более сложные устройства с парами петель (табл. 74, 5).

Здесь же следует упомянуть пока единственную в Туве бронзовую булаву (палицу) на длинной деревянной рукояти, на нижний конец которой насажен бронзовый цилиндрический наконечник (вток) (табл. 74, 19). Па принадлежность к предметам вооружения указывает и её местонахождение — у бедра погребённого, рядом с кинжалом, там, где, как правило, находятся чеканы.

Наконечники стрел из бронзы, кости и дерева весьма многочисленны и разнообразны. Среди них господствуют черешковые, втульчатые же очень редки. Разнообразие их, по-видимому, обусловлено, во всяком случае частично, специализацией. С определённой долей умеренности могут быть выделены некоторые варианты. Так, очевидно, для охоты на птиц и пушного зверя предназначались костяные наконечники с притуплённым или закруглённым остриём. Среди бронзовых наконечников имеется группа очень мелких наряду с ограниченным числом особенно крупных. Можно предполагать, что они предназначались для пробивания оборонительных доспехов разных видов.

Бронзовые черешковые наконечники в соответствии с различиями в общей конфигурации боевой головки разделяются на три основных класса: трёхпёрые (табл. 74, 4, 11), трёхгранные и трёхгранно-трёхпёрые (табл. 75, 8). Каждый класс распадается на несколько типов, отличающихся друг от друга профилем головки. Так, среди трёхпёрых имеются наконечники с треугольной, сводчатой, треугольной с жальцами головкой. В каждом из типов имеются варианты, различающиеся некоторыми деталями: наличием или отсутствием продольного валика и утолщения около острия, а также профилем нижнего края пера; варьируют также форма и размеры черешка. Трёхгранные наконечники (табл. 75, 1), которых меньше, в основном принадлежат к двум типам: с треугольной и сводчатой головкой. Варианты их также более ограничены. Трёхгранно-трёхпёрые наконечники распадаются на четыре типа: с треугольной, сводчатой и сводчато-четырёхугольной головкой. Варианты тут наблюдаются в форме выемок в нижней части граней и очертаниях перьев.

Костяные черешковые наконечники стрел разделяются на три основных класса: двухпёрые, трёхгранные (табл. 75, 16, 17, 29) и трёхгранно-шестигранные (табл. 75, 22-24, 28). Первые очень немногочисленны и все имеют сводчатую головку. Можно предположить какое-то особое их назначение. Трёхгранные, количественно преобладающие, распадаются на следующие типы: с треугольной, сводчатой, ромбической, треугольной с жальцами, сводчатой с жальцами и ромбической с жальцами головкой. Часть наконечников, относящихся к двум последним типам, имеет расщеплённые черешки. Трёхгранно-шестигранные наконечники делятся на четыре основных типа: с трёхгранно-прямоугольной, сводчато-прямоугольной, треугольно-катушкообразной и сводчато-катушкообразной головкой. Часть на них также имеет расщеплённые черешки (табл. 75, 46, 47). Преимущественно единичными экземплярами представлены наконечники иных форм: четырёхгранные, веретенообразные, шиловидные (табл. 75, 55-57) и асимметричные нескольких вариантов. Здесь также можно предполагать специализацию по назначению, характер которой остаётся неясным. Втульчатые костяные наконечники стрел малочисленны и почти все трёхгранные с треугольной или сводчатой головкой, иногда снабжённой жальцами, очень редки пулевидные со скрытой втулкой (табл. 75, 35, 36, 38).

Деревянные наконечники стрел, по всей вероятности, дошли до нас лишь частично. Большинство из них черешковые: трёхгранные, трёхгранно-шестигранные, четырёхгранные и сигаровидные (табл. 75, 41, 42, 44, 64-66). У последних черешок расщеплён, и в целом они чрезвычайно близки к характерным для памятников сюнну. Втульчатые наконечники очень редки и по форме близки к томарам.

Цельнодеревянные стрелы, томары (табл. 75, 45), по-видимому, составляли обычную часть колчаных наборов. В колчане бывает по две таких стрелы, но иногда и больше. Боевая головка этих стрел имеет, как правило, вытянутую форму и завершается коническим заострением; изредка вместо этого выделяется специальный шип. Все они, очевидно, были предназначены для охоты на птиц и пушного зверя.

Изредка стрелы снабжены костяными свистунками биконической формы, имеющими в верхней или средней части три радиально расположенных отверстия. Эти предметы, вероятно, появились в Туве сравнительно поздно и в результате внешних воздействий.

Стрелы носили в длинных цилиндрических колчанах, которые чаще всего изготавливались из кусков кожи. Они имели округлое толстое дно и были снабжены длинными продольными деревянными планками, обеспечивающими жёсткость. Употреблялись также берестяные колчаны, иногда с частями из кожи, но от них сохранились лишь незначительные остатки (табл. 75, 76-80).

Луки в материалах не представлены, их устройство и размеры неизвестны. Некоторые предположения возможны лишь по весьма редким бронзовым бляхам в виде миниатюрного налучья: здесь изображён небольшой лук скифского типа (табл. 75, 43). Однако значительные различия наконечников стрел по величине дают основание предполагать, что употреблялись и крупные луки.

Предметы конского снаряжения в погребениях позднего этапа встречаются очень редко и притом всегда сопутствуют черепакам лошадей, которые иногда помещались на перекрытии срубов или около них. Фактически известны лишь составные части узды, устройство которой в целом недостаточно ясно. Характерны бронзовые удила с кольцевидными окончаниями и роговые двудырчатые стержневидные псалии со слегка изогнутыми концами (иногда один конец почти прямой). Но известны также, хотя и в единичных экземплярах, бронзовые удила с окончаниями в виде сочетания кольца и небольшого треугольника или двух колец, а также бронзовые псалии с чётко изогнутыми концами. В одном погребении найдены обломки железных удил с железными псалиями сходного облика (табл. 75, 80, 84). Составными частями уздечек были бронзовые и костяные фигурные пряжки, бронзовые цилиндрические и кубические пронизки для перекрёстных ремней, небольшие кольца, пуговицы и фигурные бляхи, а также костяные блоки (табл. 75, 67-70, 72-74, 82, 83). Большинство этих предметов употреблялось не только в узде.

Орудия труда. Из орудий труда в сопровождающем инвентаре, как правило, имеются лишь те, которые были непосредственно связаны с повседневным бытом. О более специализированных орудиях, использовавшихся в разных домашних производствах, можно судить по единичным предметам, конкретное назначение которых ввиду специфических условий находки не всегда ясно. Некоторые косвенные данные о них дают остатки одежды, деревянные и костяные предметы и т.д.

В погребениях наиболее часто встречаются ножи и шилья, изредка вместе с каменными точилами. Это своего рода «стандартный набор» орудий многоцелевого назначения, имевший

широкое распространение у носителей уюкской культуры, как у мужчин, так и у женщин.

Ножи изготавливались из бронзы и железа, причём бронзовые количественно преобладают. По форме они не слишком отличаются от ножей без выделенной рукоятки, бытовавших уже на раннем этапе, хотя переход к клинку у них несколько варьирует. Но при этом большинство имеет чётко оформленное петлевидное отверстие около верхнего конца рукоятки (табл. 76, 23, 26, 36, 37, 40), значительно реже встречается сегментовидное, круглое или четырёхугольное отверстие, а также кольцевидное завершение рукоятки (табл. 76, 22, 25, 39, 44). Лишь единичные экземпляры имеют декоративно оформленную рукоятку, иногда с завершением в виде сильно стилизованной фигурки животного (табл. 76, 24). По размерам бронзовые ножи неодинаковы, что отчасти обусловлено различной степенью сточенности их в результате употребления. В погребениях наряду с целыми экземплярами встречаются крупные обломки, чаще всего с утраченной в древности верхней частью: в них обычно пробито новое отверстие неправильной формы или сделаны боковые выемки для подвешивания на ремешке (табл. 76, 15, 20, 21). Большинство железных ножей повторяет по форме бронзовые, но из-за плохой сохранности трудно определить очертания отверстия: чаще всего оно бывает округлым (табл. 76, 32, 33). Кроме того, есть ножи двух других типов: с петлевидно загнутой верхней частью рукоятки и с дисковидным её завершением.

Бронзовые и железные ножи носили в ножнах, сделанных обычно из кожи. Многие из них снабжены внутренней деревянной планкой, придававшей необходимую жёсткость. Большая часть ножен имеет специальное отделение или отверстие для шила (табл. 76, 27, 37, 38, 40). Декоративное оформление редко: это фигурные края и выступы в верхней части, бахрома из ниток, подобие кистей у нижнего конца, роспись красной краской и резной геометрический орнамент. Наряду с простыми ножнами имеются сложные — кожано-деревянные: на фигурную планку, обычно снабжённую резьбой, нашивалась полоса кожи с выемкой на верхнем конце (табл. 76, 34, 35, 37, 38, 41-43).

Шилья, как и ножи, изготавливались преимущественно из бронзы (табл. 76, 1-5, 8, 14). Они имеют квадратное или прямоугольное сечение и чаще всего снабжены коротким, более тонким черешком, на который насаживалась небольшая рукоятка из фаланги животного (обычно овцы). Очень редко встречаются наверхия, имеющие округлую или вытянутую форму (табл. 76, 2-5). Железные шилья все черешковые, с рукоятками из фаланги животного. Сечение у них бывает квадратное или круглое. Каменные точила, как правило, имеют правильную прямоугольную форму и снабжены отверстием для подвешивания. Они варьируют в размерах, пропорциях и тщательности выполнения. Изредка встречаются очень крупные, но есть и сравнительно небольшие, стержневидного облика. Различия, возможно, обусловлены разницей в назначении. В регулярной заточке, очевидно, нуждались не только предметы повседневного употребления, но и специализированные орудия труда, иногда, очевидно, имевшие очень небольшие рабочие части (табл. 76, 10, 17, 18).

В погребениях женщин нередки бронзовые иголки, которые всегда снабжены вытянутым ушком и фактически ничем не отличаются от современных, кроме материала, из которого изготовлены. Они хранились в небольших цилиндрических кожаных или костяных игольниках. Встречаются наборы иголок различной величины. Для шитья использовались тонкие сухожилия и шерстяные нитки.

Весьма редки в сопровождающем инвентаре бронзовые острия, конкретное назначение которых установить трудно. Условно их можно отнести к проколкам, которые использовались при изготовлении изделий из кожи. Но, вероятно, для этой же цели служили шилья (табл. 76, 6, 7).

По-видимому, распространенными орудиями многоцелевого назначения были бронзовые кельты. В частности, они могли использоваться для обработки дерева, которая была очень развита и достигла высокого уровня. Но известны только два таких орудия: одно найдено в могиле (Аймырлыг), другое — случайная находка [Маннай-оол М.Х., 1970, Рис. 9, 1]. Оба клиновидные, с закруглённым лезвием и небольшим вертикальным ушком на передней стороне под втулкой (табл. 74, 6). Различается лишь конфигурация рабочей части: у первого она расширяется книзу, у второго — почти прямая.

Есть основания предполагать, что повсеместно употреблялись пряслица. Но в погребениях они редки. Большинство из них каменные простейшей дисковидной формы, но имеются также изготовленные их обломков глиняных сосудов (табл. 76, 9). Широко применялись, очевидно, и приборы для добывания огня (табл. 76, 11).

Одежда, пряжки, застёжки. Об одежде можно судить лишь по остаткам, которые иногда сохраняются в погребениях в тех местах, где находились бронзовые предметы. Как правило, встречаются небольшие обрывки ткани, не дающие возможность восстановить покрой. С уверенностью можно говорить о нижней и верхней одежде. Об этом свидетельствуют повторяющиеся случаи многослойной структуры закреплённых окислами фрагментов. Нижняя изготавливалась из шерстяных тканей различной плотности, реже — из шёлка, верхняя — из кожи и меха. Вероятно, имелись длинные шубы. Характерной чертой можно считать искусное использование различных по величине кусков, сшивавшихся плотными швами. По-видимому, в некоторых случаях куски располагались так, что создавали и декоративный эффект.

Достоверные остатки головных уборов не найдены. Возможно, с ними связаны украшения, иногда находимые около черепов погребённых, — в частности, конические предметы из листового золота. Весьма ограничены также данные относительно обуви. По-видимому, наиболее распространёнными были кожаные сапоги, стягивавшиеся в верхней части ремешками. Возможно, наряду с ними носили и более низкую обувь, доходившую лишь до щиколоток и также стягивавшуюся ремешками. В единичных случаях встречены остатки войлочной обуви, вероятно, сходной с валенками.

Более полны данные относительно поясов. Они были разнообразными: широкие из толстой кожи с прорезями для закрепления ремешков, на которые подвешивались различные предметы (прежде всего сравнительно тяжёлое оружие); узкие из более тонкой кожи, иногда из нескольких её слоёв, также с отверстиями для подвесов (иногда поверх кожи имелся слой ткани); узкие, плетёные из кожаных ремешков. Кроме того, употреблялись шерстяные кушаки, но известны они лишь по незначительным остаткам.

В местах, где подвешивались тяжелые предметы, на пояс надевались пряжки-обоймы, имеющие на лицевой стороне большую выемку, а на оборотной, внизу — горизонтально вытянутый вырез. Через них и прорезь пояса пропускали подвесной ремень, обычно стягивавшийся внизу обоймами. Другой вариант прикрепления подвесного ремня — с помощью короткого ремешка, который пропускали через отверстия в обоих ремнях и закрепляли на передней стороне бронзовой или железной пуговицей обычно крупных размеров (табл. 77, 39, 40, 49). Пряжки-обоймы чаще всего имеют прямоугольную или квадратную форму; реже встречаются трапециевидные, причём вырез для ремня бывает расположен как около узкой, так и у широкой стороны (табл. 77, 64, 65, 72, 73). Обычно они бронзовые, железные очень редки.

Пояса были снабжены пряжками. Бронзовые пряжки относятся преимущественно к одной группе — с крючком, расположенным на переднем конце. Большинство из них составляют

фигурные пряжки — с овальной или округлой передней частью и рамковидной, обычно трапециевидной — задней. Форма и размеры их варьируют. Наряду с простыми, лишёнными декоративных элементов, встречаются пряжки, оформленные в виде стилизованных животных или их частей (табл. 77, 55-57, 68). Такие пряжки малочисленны и носят неповторимый, индивидуальный характер. К этой же группе принадлежат редкие пряжки с обособленными, но связанными узкой планкой овальными половинками, а также имеющие вместо рамковидной части круглый плоский щиток (табл. 77, 67), возможно, заимствованные извне. Другие группы составляют бронзовые пряжки прямоугольной и трапециевидной формы с крючком на переднем конце (табл. 77, 66) или пластинчатые с круглым отверстием посередине (табл. 77, 75). Те и другие малочисленны и, вероятно, связаны с разными поясами. Сравнительно редкие железные пряжки представляют собой пластины разных размеров. Часть из них имеет круглое отверстие посередине, часть (обычно более крупные по размерам) — вертикальную прорезь у переднего конца. И те, и другие снабжены небольшими отверстиями для прикрепления к поясу, расположенными около углов и краёв.

Весьма разнообразны костяные пряжки (табл. 75, 72, 73, 82, 83). Значительную группу их составляют прямоугольные и трапециевидные с двумя большими, вытянутыми в вертикальном направлении отверстиями-прорезями и вставным крючком около переднего конца. У некоторых из них вместо прорези у заднего конца имеется два или три небольших круглых отверстия. По структуре они в принципе сходны с фигурными бронзовыми пряжками. Имеются соответствия и для других групп бронзовых пряжек — например, с крючком и одним большим отверстием, а также с одним отверстием и дырочками около углов. Последние обычно сравнительно крупные и вытянутые пластинчатые, очертания их варьируют. Как особая группа выделяются пластинчатые пряжки вытянутых пропорций с большим отверстием у переднего конца и одним или несколькими меньшими — около заднего. На некоторых есть резные зооморфные изображения — фигуры змей, головы животных и др. (табл. 77, 80-83). Часть пряжек составляли парные. В эту же группу входят редкие фигурные пластинчатые пряжки с изображениями животных: лежащей лошади, сцен терзания. Все они были высокохудожественными изделиями «индивидуального» характера, сочетающими утилитарные и декоративные функции. Можно предполагать, что они играли также определенную престижную роль (табл. 78, 39, 40). По двум разным по величине отверстиям сюда же можно отнести овальную бляху со стилизованным изображением человеческого лица.

С поясами связаны сравнительно крупные, массивные бронзовые и железные крючки, использовавшиеся также для подвешивания колчанов. Бронзовые более многочисленны и разнообразны, основные отличия заключаются в конфигурации верхней части (табл. 77, 69-71, 76-79). У простейших верхний конец никак не оформлен и лишь снабжён отверстием. Другие характеризуются небольшим завершением геометрически правильной формы (прямоугольной, кольцевидной и др.), также с отверстиями посередине. Особую группу составляют крючки, снабжённые сравнительно крупным дисковидным завершением, иногда имеющим дополнительные детали; на оборотной стороне его расположена поперечная петля — планка для продевания ремня. Некоторые имеют зооморфные завершения в виде части тела животного или полной фигурки (чаще всего кабана); здесь также есть петля на оборотной стороне. Отдельные крючки целиком оформлены в виде головки животного, они снабжены втулкой для подвешивания. Железные крючки чаще всего имеют только отверстие у верхнего конца или небольшое завершение геометрической формы (преимущественно петлевидное); очень редки иные завершения (в частности, в виде крупной пластины).

Для украшения поясов использовались различные бляшки и бляхи. На узкие, обычно многослойные пояса горизонтально нашивались ряды небольших полусферических бронзовых бляшек с дужкой на оборотной стороне, сходных с пуговицами (табл. 77, 38). На

более широких поясах встречаются бляшки более сложной формы. Значительное распространение получили бронзовые и повторяющие их железные бабочковидные бляшки, у которых верхняя и нижняя части украшены спиралями и соединены короткой поперечной втулкой-трубочкой или перемычкой с круглой выпуклостью на лицевой стороне и петелькой — на оборотной. Декоративное оформление, а также размеры варьируют. Украшениями поясов служили бронзовые бляшки и накладки в виде фигурок и головок животных (табл. 77, 42, 50; 78, 28, 37). Значительно реже встречаются бронзовые бляхи-пластины с изображениями животных, не имеющие характерных для пряжек отверстий. Декоративный характер их не вызывает сомнений. Но здесь можно предполагать одновременную связь с символикой, носящей престижный характер. На всех таких бляхах представлены кошачьи хищники в сцене либо борьбы между собой, либо терзания головы копытного. Некоторые из них были парными.

С поясами связаны также немногочисленные бронзовые кольца, иногда снабженные выступом (табл. 75, 68). Иногда они использовались в качестве пряжек и промежуточных элементов поясов, но, по-видимому, чаще входили в состав подвесных украшений. Отдельные кольца оформлены в виде сильно стилизованных животных (табл. 78, 38, 42).

С одеждой, а возможно, и с обувью, связаны частые в погребениях роговые и костяные застёжки нескольких устойчивых типов (табл. 77, 34, 44, 52, 58, 60; 78, 18). Наиболее однообразны изогнутые, клыковидные, застёжки, изготовленные из концевой части рога. Противоположный заострённому концу торец срезан наискось, и с одной стороны посередине сделан вырез, в результате чего образовалась дужка. Иногда они оформлены в виде стилизованных головок животных. Другой тип представляют застёжки из различных, но более или менее изогнутых участков рога, посередине у них расположено круглое поперечное отверстие. Торцы бывают прямые и косо срезанные. Третий тип составляют застёжки, вырезанные из прямого участка рога, но они всегда имеют более или менее значительное расширение посередине, где расположено круглое или овальное поперечное отверстие. На некоторых бывают декоративные элементы или изображения животных.

Особую группу составляют фигурные застёжки в виде стилизованных голов животных или целых их фигурок. Они значительно отличаются друг от друга и имеют индивидуальный облик, хотя по общей конфигурации относятся ко второму или третьему типу. Употреблялись также застёжки из лодыжки барана, сходные с роговыми первого типа, и из сесамовидной кости лошади.

Предметы туалета. Эти вещи, относящиеся к категории бытовых, составляют значительную и устойчиво повторяющуюся часть сопровождающего инвентаря. К ним принадлежат прежде всего бронзовые зеркала нескольких типов (табл. 76, 12, 13, 19, 28-31). Сравнительно редки зеркала с центральной кнопковидной ручкой, которая чаще всего бывает округлой или сегментовидной в сечении и нередко украшена рельефной спиралью. Число стоек, на которую опирается кнопка, варьирует от двух до четырёх. Часто они не вертикальные, а наклонные. Большинство этих зеркал плоские, но имеются немногочисленные экземпляры с вертикальным бортиком, которые входят в комплексы «переходного» характера (табл. 76, 13). Количественно преобладают плоские зеркала других типов. Наиболее распространены зеркала, снабженные центральной петлевидной ручкой. Большинство из них правильной формы, прямые, однако встречаются выпукло-вогнутые. Края у некоторых приостренные, ручки различны по форме, преобладают петлевидные, но бывают также прямоугольные и трапециевидные (табл. 76, 28, 30, 31). Другой тип характеризуется боковой плоской ручкой небольших размеров с отверстием посередине. Особенность его заключается в заметных вариациях размеров, очертаний диска и формы ручки. Ручка чаще всего геометрически правильная (прямоугольная, трапециевидная, полуовальная и т. д.), но иногда представляет

собой лишь небольшой петлевидный выступ. Известны также зеркала, у которых ручка оформлена в виде фигурки стоящего животного (табл. 78, 35), пары борющихся кошачьих хищников и сильно стилизованных зооморфных изображений. На тыльной стороне иногда встречаются гравированные изображения отдельных животных — стоящий горный козёл, лежащий марал (табл. 78, 20) — или сцен терзания — кошачий хищник с головой горного барана в пасти. Очень близок к этому типу ещё один вид зеркал, отличающийся отсутствием отверстия, вместо которого на тыльной стороне ручки имеется вытянутая поперечная скоба. Здесь наблюдаются аналогичные вариации формы ручки (табл. 76, 29; 78, 27), а на тыльной стороне диска также встречаются гравированные изображения животных. Женщины и мужчины носили зеркала в кожаных округлых или овальных футлярах, подвешивавшихся на ремешках к поясам. На некоторых из них сохранились остатки росписи красной краской. Декоративное оформление осуществлялось также с помощью аппликаций и фигурных швов.

Специфически женскими предметами были гребни (табл. 77, 5). Они сравнительно редки, но есть основания предполагать, что это обусловлено преобладанием деревянных гребней, легко поддающихся полному разрушению. Среди костяных гребней есть сходные с более ранними — крупные с резными изображениями фигурок животных. Значительно чаще встречаются небольшие, весьма простые экземпляры. На некоторых из них процарапаны изображения животных или геометрический орнамент. Деревянные гребни иногда были цельными, вырезанными из одного куска, но чаще составными: их основа и зубья изготовлялись отдельно. Существовало не менее двух способов скрепления этих деталей: в узкой планке-основе вырезались либо отдельные гнёзда-отверстия, либо сплошной продольный паз. Во втором случае зубья закреплялись специальными заклинивающими планочками. Известен один железный гребень, вероятно, являющийся «парадным» изделием. Верхняя часть его лицевой стороны украшена рельефными спиралевидными вихреобразными фигурами, покрытыми тонким листовым золотом; на тыльной стороне имеется петлевидная скоба (табл. 77, 6).

Вероятно, для хранения каких-то ценных предметов или веществ, связанных с женским туалетом, служили небольшие роговые цилиндрические и усечённоконические футляры. Некоторые из них были разъёмными, двусоставными, с вставными донышками, другие — «напёрстковидными». На многих имеется тонкая резьба — изображения животных и их групп.

Для бытовых целей, главным образом для хранения гребней, ниток, сухожилий, каких-то мелких бронзовых изделий, а также красящих веществ, широко использовались кожаные сумочки различной формы и величины. Среди них могут быть выделены некоторые повторяющиеся и своеобразные. Наряду с наиболее распространёнными округлыми и овальными сумочками были и прямоугольные, в том числе с наружным отделением меньших размеров. Существовали также бочонковидные из толстой кожи, с жёстким торцом. Они выделяются из числа других по резному геометрическому орнаменту, в котором преобладают дуги и спирали. Кроме того, известны двусторчатые сумочки (две из них — карманного типа, сшиты в верхней части). Они бывают овальными и трапециевидными, обычно снабжены некоторыми декоративными элементами: геометрическим узором, нанесённым красной краской, бахромой из шерстяных ниток и др. На верхней части их закреплено несколько узких ремешков для подвешивания к поясу.

Деталими каких-то предметов, очевидно бытового назначения, являются часто встречающиеся в погребениях костяные навершия различной формы. Многие из них крупные, имеют грибовидные или дисковидные завершения, иногда с дополнительными отверстиями. В некоторых случаях они сочетаются с шаровидными и цилиндрическими костяными предметами, что даёт основания видеть в таком наборе детали рукоятки камчи

(табл. 77, 43; 78, 21). Назначение отдельно найденных крупных наверший этой и иной формы, возможно, было таким же, что не исключает и другие варианты их использования.

Украшения. Многочисленные и разнообразные украшения; имевшие повсеместное распространение, в функциональном плане различны. Часть из них была только личными украшениями преимущественно женщин, но многие другие служили для декоративного оформления предметов утилитарного назначения; некоторые употреблялись и обоим [обеих] целях. Определённое число изделий, обычно включаемых в эту категорию, очевидно, так или иначе связано с существовавшими тогда верованиями и может трактоваться как амулеты и обереги. Различие функций, видимо, было одним из факторов, обусловивших обилие неповторяющихся, индивидуальных по облику предметов. К личным украшениям относятся серьги, гривны, пекторали, бусы, кольца и булавки. Бусы находили различное применение (ожерелья, браслеты, обшивка одежды). Что касается булавок, то они, по-видимому, одновременно служили и для сохранения причёсок.

Серьги изготавливались из золота, серебра, бронзы и очень редко — из железа. По-видимому, преобладали бронзовые, однако чаще всего от них сохраняются лишь скопления рыхлых окислов около соответствующих частей черепа. Среди них может быть выделено несколько типов, но часть имеет неповторяющийся характер (табл. 77, 7-9). Простейшими были кольцевидные серьги с находящими друг на друга концами, изготовленные из тонкой проволоки; один конец у них обычно заострён. К этому типу принадлежит часть золотых и серебряных, большинство бронзовых и условно — железные (у них соотношение концов точно не устанавливается). Другой тип был в сущности лишь усложнением первого. Собственно серьга здесь такая же, но она снабжена подвеской, прикрепляемой к специальному «переходному» колечку. Устройство подвесок сильно варьирует, и многие из них не повторяются. В определённой степени «стандартным» вариантом подвесок, преимущественно золотых, является сравнительно длинная цепочка (иногда их бывает две), завершающаяся подвеской в форме листка, свёрнутого конуса и др., которая бывает сделана и из полудрагоценного камня. Цепочки с подвесками встречаются и у бронзовых серёг, но форма их иная. Другой вариант характеризуется стержневидной подвеской, на которую нанизаны бусы и другие декоративные элементы; нижний конец иногда снабжён группой шариков зерни. У некоторых серёг цепочку заменяла низка очень мелких бус, часто не сохранившихся.

Гривны изготавливались из бронзовой проволоки, прута или трубочек; некоторые покрывались тонким листовым золотом. Все они круглые, с находящими друг на друга или, реже, с несомкнутыми концами (табл. 77, 36). Сравнительно редко, как и пекторали, встречаются гривны в виде серповидного куска или узкой витой полоски листового золота с небольшими отверстиями на концах.

Бусы обычно носили на шее, но они встречаются и в других местах, где, вероятно, связаны с декоративным оформлением одежды и разных предметов. Большие ожерелья очень редки. Изготавливались бусы из камня, золота, бронзы, кости и стекла (табл. 77, 12, 13). Каменные бусы, среди которых сравнительно много сердоликовых, разнообразны по форме, но преобладают шаровидные, цилиндрические, дисковидные и бочонковидные. Нередко очертания их не вполне правильные, что, возможно, указывает на недостаточные навыки мастеров. Золотых бус очень немного. В основном они шаровидные и цилиндрические, состоящие из двух половинок. Бронзовые и костяные также редки и, как правило, тех же форм (за исключением употреблявшихся в качестве бус позвонков мелких рыб). Наиболее многочисленны стеклянные бусы — одноцветные, многоцветные, глазчатые. Среди первых преобладают те же формы, что и у каменных. Большинство из них сделано из зелёного и синего стекла. Глазчатые бусы почти все шаровидные, преимущественно из белого и

зеленого стекла (табл. 77, 12). Число глазков варьирует в пределах от двух до девяти, но чаще всего бывает шесть глазков, расположенных в шахматном порядке. Как правило, они синие, часто окружённые несколькими узкими чередующимися белыми и синими кольцами.

Булавки принадлежат к предметам, которые особенно часто попадают в погребениях. Они изготавливались из бронзы, железа и кости, причём железные наиболее многочисленны (табл. 77, 1-3). Большинство (исключая костяные) снабжено навершиями обычно шаровидной формы, иногда сравнительно больших размеров. Некоторые покрыты в верхней части куском тонкого листового золота, украшенным рельефным геометрическим орнаментом. В ряде случаев орнамент сочетается с дополнительными декоративными элементами наверший. У отдельных экземпляров навершием служат фигурка животного или его головка (табл. 78, 25).

Значительная часть остальных украшений связана с одеждой. Это в первую очередь разнообразные бляшки из тонкого листового золота, снабженные у краёв небольшими отверстиями для пришивания (табл. 77, 4, 14-18, 26; 78, 22-24, 29, 30). По сюжетам изображений, часто определяющих форму, они распадаются на две группы: зооморфные и геометрические. Первую составляют бляшки в виде фигурок животных или их голов. Чаще представлен кошачий хищник, реже — горный козёл и баран. Нередки бляшки в виде птицы с распростёртыми крыльями, иногда сравнительно больших размеров. Среди разнообразных геометрических бляшек особенно часты круглые с выпуклостью в центре в виде четырёх- или пятилепестковой розетки и украшенные рельефной вихревой розеткой.

Украшениями одежды, по-видимому, служили также разнообразные подвески из бронзы, железа и кости (табл. 77, 10, 11, 23-25). Широко распространёнными, отчасти стандартизованными, были подвески вытянутые колокольчикообразные и в форме «костылька» (табл. 77, 19-22, 31-33). Значительное количество подвесок носит неповторяющийся характер. В качестве подвесок часто употреблялись клыки кабарги, кабана и зубы марала, снабжённые отверстием в верхней части. У многих из них имеются повторные отверстия, просверленные после повреждений первоначальных. Это указывает на специфическое значение, определённую ценность данных подвесок, вероятно, служивших оберегами. Возможно, аналогичное значение имеют сравнительно редко встречающиеся раковины каури.

К поясам прикреплялись и отдельные, и относительно сложные подвески, состоявшие из нескольких, иногда одинаковых (колокольчикообразных и др.) элементов. Различные ремешки часто снабжались цилиндрическими пронизками и наборами обойм сегментовидной формы, которые одновременно служили и украшением, и скрепляющими деталями (табл. 77, 35). Подвесы для оружия и других предметов, кроме того, иногда украшались фигурными, преимущественно бронзовыми, бляшками.

Керамика, деревянная и бронзовая посуда. Значительную часть сопровождающего инвентаря составляет глиняная и деревянная посуда, однако она имеется в погребениях не всегда, и кроме того, можно предполагать, что в разных областях удельный вес её был неодинаков. Число и состав сосудов при одном погребённом варьируют. Обычно в могиле бывает лишь один сосуд, нередко встречаются два — глиняный и деревянный различных форм. В некоторых курганах представлена только керамика, в других — лишь деревянная посуда. Причины этих различий неясны. Вся керамика изготовлена вручную, но в отдельных случаях, возможно, применялась какая-то вращающаяся основа. Глиняное тесто часто содержит сравнительно крупные минеральные примеси. Формовка сосудов иногда не очень правильная. Поверхность их всегда покрыта тонким слоем той же глины и заглажена, что создавало эффект, близкий к лощению. Обжиг у всех неравномерный, вследствие чего на нижней части тулова имеются тёмные пятна нечётких очертаний. Формы сосудов

разнообразны, хотя разграничение их в типологическом плане затруднительно ввиду значительных сближающихся вариантов. Количественно преобладают безручные кувшины и горшки (табл. 79, 20, 22, 29, 30) с чётко выделенной горловиной. Конфигурация тулова у них различна: шаровидная, яйцевидная, грушевидная и биконическая. Разнообразны и горловины, но чётко выраженные венчики встречаются редко. У единичных сосудов имеется по паре небольших ручек, расположенных на тулове. Декоративное оформление кувшинов и горшков сходно и носит ограниченный характер. Наиболее распространены горизонтальные валики, снабжённые рядами различных углублений и расположенные под краем горловины, на переходе от неё к тулову, реже — на плечиках. Применялось также горизонтальное рифление. Нередко на тулове бывают спиралевидные и дуговидные валики. Под краем иногда расположен ряд небольших округлых выступов или вдавлений. Часть сосудов украшена монохромной геометрической росписью, в которой преобладают вертикальные зигзаги и спиралевидные фигуры, часто сочетающиеся друг с другом. Значительную группу составляют открытые горшки без выделенной горловины, иногда снабженные небольшим сливом, расположенным под краем (табл. 79, 23, 31, 32). Декоративное оформление на них встречается редко, чаще всего это роспись. Менее многочисленны баночные сосуды, небольшие кувшины и кружки (табл. 79, 24, 25, 27, 28). Первые варьируют в размерах и конфигурации, но у большинства сужение наблюдается в верхней трети тулова. Кувшины сильно отличаются друг от друга по форме тулова, но почти все имеют сравнительно высокую, сильно расширяющуюся кверху горловину. Разнообразны и кружки, часть которых не имеет выделенной горловины. К редким формам относятся небольшие миски (табл. 79, 19), фляги с бочонковидным туловом и «двусоставные» сосуды, у которых верхняя и нижняя части одинаковы или очень близки друг другу по форме. Эта последняя разновидность специфична для Тувы (табл. 79, 26).

Деревянная посуда, как правило, плохо сохраняется, и очертания её не всегда могут быть установлены. Наиболее многочисленны блюда и миски различных размеров, как округлые, так и овальные. Более редки чаши и сходные с ними кружки с вертикальной или горизонтальной ручкой. Деревянные сосуды в погребениях иногда поставлены один в другой.

Помимо глиняной и деревянной посуды, известны немногочисленные бронзовые толстостенные литые котелки шаровидной формы с горизонтальными ручками (табл. 79, 18). Они явно имели такое же культовое назначение, как и подобный им, найденный на Алтае [Руденко С.И., 1953. С. 333. Табл. XXIV, 2].

* * *

Материалы не позволяют проследить типологическое развитие предметов, характерных для уюкской культуры. На протяжении позднего этапа одним из основных, определявших его факторов была постепенная смена бронзы железом. Поэтому преобладание в комплексах изделий из железа может служить указанием на относительно позднюю их дату. Тем не менее, отчётливый рубеж, позволяющий дать более дробное членение этого этапа по совокупности разных явлений, установить не удастся. Но выявляется определённое число погребальных сооружений — срубов, каменных ящиков, «склепов», в которых сопровождающий инвентарь содержит единичные предметы, характерные для культуры сюнну: глиняные сосуды на поддоне (табл. 79, 21), костяные наконечники стрел с расщепленным насадом (табл. 75, 45-49), свистунки, железные ножи с кольцевидным завершением рукояти и др. Таким образом, имеются объективные свидетельства существования уюкской культуры в немодифицированном виде после подчинения Тупы сюнну, вероятно, на протяжении II в. до н.э., а в некоторых горных местностях, возможно, и дольше.

Хозяйство, общественный строй, искусство, верования.

Хозяйственной базой носителей уюкской культуры было кочевое скотоводство с регулярно повторяющимися сезонными передвижениями в пределах сравнительно ограниченных территорий. Конкретная форма этого «вертикального» кочевания с использованием в летнее время предгорных и горных пастбищ, вероятно, была сходна с существовавшей в Туве до недавнего времени. Могильники скифского периода, в особенности большие, указывают на традиционные места зимовок. Можно предполагать, что имелось регламентированное распределение пастбищ и путей перекочёвок между отдельными племенами и родами. О составе стада позволяют судить находки костей животных в могилах. Здесь представлены овцы, козы, лошади и очень редко — крупный рогатый скот. Изредка встречаются кости собак. Ведущее место занимали овцы. Они были источником не только мяса и молока, но также шерсти для тканей, войлока и верёвок; шкур для одежд, сухожилий для их сшивания и т. д. О максимальном использовании продуктов скотоводства говорит и обилие (на позднем этапе) разнообразных наконечников и рукояток из костей и фаланг овцы.

Второстепенную, но заметную роль в хозяйстве играла охота на диких животных, что, в частности, засвидетельствовано обилием подвесок из их зубов и клыков в погребениях. Объектами охоты были как крупные животные — кабан, кабарга, марал, медведь, горный козёл и баран, так и мелкие — заяц, лисица, различные грызуны. Остатки одежд и специфические типы наконечников стрел говорят о значительном месте охоты на пушного зверя — соболя, горностая, белку и др. Имеются также свидетельства рыболовства: позвонки рыб иногда использовались в качестве бус и пуговиц. Неясным остается вопрос о месте земледелия.

В некоторых погребениях обнаружены остатки проса и обломки каменных предметов — предположительно зернотёрок. Видимо, можно говорить о небольших, эпизодических посевах, но вероятно и получение продуктов земледелия путём обмена от каких-то соседних племён.

Кочевой образ жизни предполагает использование переносного жилища — вероятно, юрты и шалаша, но вещественные остатки и достоверные изображения пока неизвестны. Обилие погребальных камер в виде срубов с полами и перекрытиями говорит об устойчивой традиции деревянного строительства и о вероятности существования на зимовьях однотипных наземных жилых и хозяйственных построек. Цистообразные камеры с регулярной кладкой и перекрытием типа ложного купола указывают на появление навыков каменного строительства. В рамках кочевого скотоводческого хозяйства, несомненно, существовали некоторые специализированные отрасли производственной деятельности. Это прежде всего рудодобыча и металлургия, возникшие здесь ещё в эпоху бронзы и интенсивно развивавшиеся в скифское время. На территории Тувы в разных районах известно значительное количество древних рудников, в которых добывались медные руды. Некоторые из них — в районе Хову-Аксы (наиболее крупные), на р. Он-Кажая и в Кызыл-Торге на притоке р. Бурен-Хем — были объектами специального исследования [Сунчугашев Я.И., 1969]. В древних выработках — открытых (типа карьеров), шахтах и штольнях, разрабатывавшихся огневым способом, неоднократно находили орудия рудокопов: каменные молоты, кайла, мотыги, песты и рудотёрки, кирки и молотки из рогов марала, деревянные лопаты. Об использовании металлических орудий пока имеются лишь косвенные данные. Выплавка меди и отливка разнообразных бронзовых изделий производились вблизи рудников. Здесь обнаружены медеплавильные ямы и горны, найдены обломки глиняных сопел от мехов, тиглей и литейных форм (в частности, для отливки ножей с петлевидным отверстием и бабочковидных бляшек). Сопутствующие им фрагменты глиняных горшков

преимущественно баночной формы позволяют уверенно относить эти памятники древней металлургии к скифскому времени. О том, что рудокопами и металлургами были носители уюкской культуры, свидетельствуют типичные погребения в срубках, исследованные вблизи Хову-Аксы. В них найдены некоторые орудия горного дела [Кызласов Л.Р., 1979. С. 58, след.]. Древние выработки железа известны во многих местах Тувы, но изучены ещё очень слабо. В скифское время, несомненно, функционировали выработки, обнаруженные в верховьях р. Бурен-Хем. Здесь найдены обломки глиняного сосуда с характерной горизонтально рифлёной поверхностью вместе с фрагментами керамики гунно-сарматского периода. Вероятно, к позднему этапу скифского времени относятся сыродутные горны одноразового использования и ямы для обжига угля, исследованные в бассейне р. Бай-Сют [Сунчугашев Я.И., 1969. С. 107, 108, 112, след.].

Относительное обилие изделий из золота, встречающихся во многих (в том числе и ограбленных) «рядовых» погребениях, указывает на местную золотодобычу, но конкретные формы её пока неизвестны. Находки украшений из листового золота сходного облика (бляшки геометрических форм, в виде птиц и т.д.) в разных районах Тувы позволяют предполагать существование каких-то центров их «серийного» производства (табл. 77, 17, 26; 78, 22-24).

Общественный строй носителей уюкской культуры по археологическим данным может быть охарактеризован как первобытнообщинный, но со специфическими чертами, обусловленными переходом к кочевому скотоводству и дальнейшим, по-видимому экстенсивным, его развитием. Топографические особенности могильников, прежде всего больших, чётко распадающихся на группы-цепочки, указывают на устойчивое существование родо-племенной организации, в рамках которой протекали все процессы имущественной и социальной дифференциации.

Основной социально-экономической, самообеспечивающейся в хозяйственном отношении ячейкой общества была большая патриархальная семья, включавшая несколько поколений, связанных общим происхождением, и возглавлявшаяся старшим по возрасту мужчиной. Она наиболее полно обеспечивала поддержание максимальной численности общего стада (и его безопасность от стихийных бедствий), необходимой для сохранения стабильного уровня потребления. Возникновение её относится, по-видимому, к начальному этапу уюкской культуры. Наблюдающаяся в курганах раннего этапа «центрическая» система размещения погребений под одной насыпью отражает уже сложившуюся первичную форму. Дальнейшее развитие такой семьи, очевидно, шло в направлении упрочения единства и увеличения числа входящих в неё поколений. Свидетельства этого можно видеть в росте количества погребённых в срубках и появлении многорядных захоронений. Некоторые данные позволяют предполагать преобладание, если не господство, моногамии и экзогамии.

Раскопки кургана Аржан показали, что уже в конце начального этапа уюкской культуры общество было стратифицировано: выделилась аристократическая верхушка и сложилось какое-то крупное племенное объединение. Признаки имущественных и социальных различий прослеживаются также в более поздних памятниках «рядового» населения: тут могут быть выделены относительно богатые и сравнительно бедные по инвентарю семейные погребения в больших срубках. Но при этом резких различий не наблюдается, что при обилии оружия говорит в пользу относительного равенства основной массы населения. Насколько далеко зашло разложение первобытнообщинного строя к концу скифского периода, установить трудно, но достоверных свидетельств о появлении черт, свойственных зарождающемуся классовому обществу, не имеется. При больших масштабах раскопок число погребений выделившейся аристократической верхушки крайне не велико. Хотя высказано предположение о возможности выявить захоронения домашних рабов по особому их

местоположению в камере, специфике позы и отсутствию инвентаря [Грач А.Д., 1980. С. 48], оно не подтверждается более полными материалами. Вместе с тем сравнительно отчётливо выступают явления иного порядка, не связанные с антагонистическими отношениями: возрастные группы, неясное ещё по сущности деление взрослых мужчин на вооружённых и невооружённых, некоторые локальные особенности этнографического порядка.

[Экскурс об оленных камнях (В.В. Волков).]

Искусство населения Тувы раннего железного века представлено не только многочисленными изделиями мелкой пластики, выполненными в зверином стиле, но также петроглифами и памятниками монументального искусства. Интереснейшая разновидность последних — оленные камни. [4] Это стелы (высота до 4 м) с выбитыми на них изображениями украшений, парадных поясов с подвешенными предметами вооружения (кинжалы, клевцы, луки в налучьях, ножи), а также фигурок различных животных, прежде всего оленей (отсюда их название), выполненных в характерной стилизованной манере (табл. 71, 1-6). Как и предметы «скифской триады», оленные камни не связаны с какой-либо одной культурой, и территория их распространения необыкновенно обширна. Однако назначение оленных камней в различных районах неодинаково. Так, в Туве их находят возле курганов уюкской культуры (обломок стелы обнаружен в насыпи кургана Аржан). В восточных районах Монголии и Забайкалье они часто стоят в качестве угловых камней на плиточных могилах, а в западной Монголии входят в архитектурные комплексы херексуров. Новые находки позволяют отодвинуть восточную границу распространения оленных камней до Читинской обл. Правда, в Забайкалье они сравнительно редки, зато в соседней Монголии в последние годы обследовано около 500 новых памятников этого рода [Волков В.В., 1981]. В Туве зафиксировано около 20 оленных камней [Маннай-оол М.Х., 1968], на Алтае — более 50 [Кубарев В.Д., 1979].

Отдельные оленные камни обнаружены в Киргизии, Восточном и Центральном Казахстане, на Южном Урале [Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х., 1950; Маргулан А.Х., 1979; Попов С.А., 1964]. Памятники подобного типа, представляющие собой европейский вариант оленных камней, известны на территории Северного Кавказа, Крыма, Украины, Добруджи и северо-восточной Болгарии [Тончева Г., 1972; Савинов Д.Г., 1977; Савинов Д.Г., Членова Н.Л., 1978; Чеченов Н.М., 1978; Корпусова В.Н., Белозор В.П., 1980]. Западная граница их распространения доходит, видимо, до Эльбы [Савинов Д.Г., Членова Н.Л., 1978].

В современных классификациях оленные камни подразделяются на две большие группы: первая — с изображениями животных; вторая — без них, но со всеми другими атрибутами, присущими этим памятникам (ожерелья, пояса, оружие). В первой группе выделяются два основных типа: с изображениями оленей, близкими к натуре, «реалистическими», и с орнаментально стилизованными фигурками животных, у которых морды вытянуты наподобие птичьего клюва. Все эти типы представлены в Туве (табл. 71, 1, 6). Стелы без изображений животных преобладают на западе их ареала, но достаточно часто встречаются и на востоке. В Туве и на Алтае они составляют более половины всех памятников; в Монголии и Забайкалье — только 9%. Камни с «реалистическими» изображениями оленя характерны в основном для Тувы и Алтая и поэтому условно могут быть названы саяно-алтайским типом. В Монголии они единичны и встречаются только в районах, примыкающих к Туве и Алтаю. Стелы с орнаментально стилизованными оленями, наоборот, господствуют в Монголии и Забайкалье, где составляют около 90% всех памятников, и лишь единичные их экземпляры открыты в южных районах Тувы, на Горном Алтае и в Восточном Казахстане. Поэтому они с полным основанием могут быть названы монголо-забайкальским типом, тем более что по общему количеству они значительно превосходят все остальные группы и типы оленных камней, вместе взятых.

Хронологическое положение выделенных групп и типов оленных камней, т.е. их периодизация, не может пока считаться общепризнанным и устоявшимся. Расхождения в датировках у разных исследователей значительны. Наиболее ранняя дата (XII-IX вв. до н.э.) для саяно-алтайских и монголо-забайкальских камней предложена М.П. Грязновым после находки обломка стелы в насыпи кургана Аржан (табл. 71, 1) [Грязнов М.П., Маннай-оол М.Х., 1973]. Иначе представляет себе эволюцию оленных камней Л.Р. Кызласов, который считает памятники без фигурок животных древнейшими и относит их к предскифской поре. Стелы с изображениями в скифо-сибирском зверином стиле, по его мнению, целиком относятся к скифской эпохе, причём наиболее поздними из них являются камни монголо-забайкальского типа [Кызласов Л.Р., 1978, С. 26].

Представительные серии оленных камней, накопленные в последние годы на всей территории их распространения и особенно в Монголии, позволяют, на наш взгляд, отнести появление памятников обеих групп к предскифской поре. Одновременны, надо думать, и оленные камни с «реалистическими» и стилизованными изображениями оленей. Есть достаточно веские основания полагать, что те и другие появились в доскифское время — вероятно, в первых веках I тысячелетия до н.э. — и что различия между саяно-алтайскими и монголо-забайкальскими оленными камнями не столько хронологические, сколько территориально-локальные. На востоке ареала этих стел обычай сооружения оленных камней доживает до V-IV вв. до н.э. и сменяется, возможно, традицией установки необработанных стел-менгиров в квадратных оградках. Так, на Алтае и в Туве известны случаи, когда стелы без фигурок оленей, а также упрощённых вариантов саяно-алтайского типа стоят возле уюкских курганов V-IV вв. до н.э. О том же свидетельствует изображённое на некоторых монгольских камнях оружие раннетагарских форм. На западе ареала уже в VI в. до н.э., а может быть, и несколько раньше, оленные камни исчезают.

Новые находки в Монголии позволили полнее выявить еще одну особенность оленных камней — антропоморфный характер памятников. Обычно человеческий образ передан в них крайне условно и схематично. Он скорее угадывается по изображениям серёг, шейных украшений, боевых или парадных поясов, оружия, расположенным в том порядке, как их носили древние воины, и изредка встречающимся очень упрощённым личинам в верхней части стел. Только на трёх монгольских камнях (Ушкин увер, Агрын и Джаргалант) человеческие лица выполнены по всем законам объёмной скульптуры и дают представление о портретных особенностях. Любопытно, что эти лица лишены монголоидных черт, свойственных, например, древнетюркским изваяниям. Удлиненный овал лица, тяжёлые надбровья, длинный и прямой нос — черты, близкие скорее к европеоидному антропологическому типу. Исходя из антропоморфности оленных камней, многие исследователи видят в них обобщённый героизированный образ предка — покровителя рода или племени, в честь которого и сооружались жертвенники. В литературе, посвящённой оленным камням, высказывались и другие точки зрения, согласно которым оленные камни с их трёх- или двучленным делением по вертикали сопоставляются с жертвенными столпами — семантическим эквивалентом «мирового древа».

Вопрос о назначении оленных камней дискуссионен. Долгое время их считали надгробными памятниками. Однако в Монголии исследовано несколько жертвенных комплексов, где оленные камни были важнейшим или основным элементом этих сооружений. Стелы (до 10-15 штук) стояли несколькими рядами в окружении плоских каменных выкладок, дорожек и маленьких курганчиков, под которыми были захоронены черепа жертвенных животных, главным образом лошадей.

Генезис оленных камней пока неясен. Типологически увязанных с ними предшественников в области их распространения нет. Может быть, действительно, прав М.П. Грязнов, предполагавший, что первоначально они изготовлялись из дерева (стволов) и поэтому не сохранились. Косвенные данные есть — например, расположение рисунков спиралью даже на плоских каменных плитах.

Скифо-сибирский звериный стиль, главной особенностью которого было изображение животных в определённой позе, с особой трактовкой деталей, получил яркое отражение в искусстве наскальной живописи населения Тувы скифского времени [Маннай-оол М.Х., 1970; Дэвлет М.А., 1976б; 1980а; 1982; Грач А.Д., 1980]. Для хронологического определения петроглифов решающее значение имеет сопоставление изображений на скалах и на оленных камнях, хотя стилистический стандарт, свойственный оленным камням, в наскальных изображениях проявляется редко, обычно наблюдаются лишь частичные совпадения. Наиболее характерный сюжет — изображения оленей и других копытных с подогнутыми ногами. У оленей в таких случаях рога трактованы так же, как и на оленных камнях. К скифскому времени следует отнести серию изображений оленей с древовидными рогами в виде вертикальных стволов с отходящими в стороны отростками. Правда, в основной части этот пласт наскальных рисунков датируется эпохой бронзы. Характерны петроглифы, содержащие изображения животных, главным образом горных козлов, в позе «внезапной остановки», когда они показаны как бы заторможенными после стремительного бега. Своеобразны изображения крылатых животных с крыльями в виде отростков на спине, фигуры хищников из семейства кошачьих. Известны изображения птиц с распостёртыми крыльями и повернутой в сторону головой. Иногда изображения животных бывают вписаны одно в другое, что также характерно для скифо-сибирского звериного стиля. Встречаются изображения криволинейных триквестров, иногда оканчивающихся головками животных или птиц. Наиболее часты и труднее поддаются хронологическому определению изображения горных козлов.

Специфика погребальных памятников ограничивает возможность реконструкции мировоззрения и верований носителей уюкской культуры. Они позволяют судить преимущественно лишь о том, какой представлялась им посмертная судьба человека. Устойчивый обряд трупоположения и состав сопровождающего инвентаря указывают на то, что она мыслилась аналогичной реальной жизни. Мёртвых снабжали полноценными предметами, необходимыми в быту, включая зимнюю одежду, и некоторым количеством пищи и питья на время перехода, как можно полагать, в страну предков. Различные меры по сохранению тел или костей умерших до момента их захоронения (включая мумификацию) также говорят о реально материалистических представлениях, лежащих в основе погребального обряда. Специфическое положение погребённых (сходное, но не идентичное со скорченным), иногда явно приданное им искусственно, выступает как ритуально необходимое. Смысл его ещё остается неясным, но неестественно большая согнутость ног не позволяет считать это позой спящего человека. Вернее, кажется, видеть в этой позе воспроизведение эмбрионального положения.

В верованиях носителей уюкской культуры значительное, если не господствующее, место занимало почитание явлений природы и окружающего мира. Обилие спиралей, вихревых розеток, кругов с точкой посередине и других изображений с отчётливой солярной символикой в декоративном оформлении различных предметов и керамики указывает на какую-то форму культа солнца. Возможно, отражение его следует видеть и в конструкции так называемых херексуров с радиальными «лучами» вокруг наземного погребального сооружения. Однако датировка их и тем более интерпретация как храмов солнца [Грач А.Д., 1980. С. 62] нуждаются в серьёзном подтверждении новыми фактами. В погребениях

обнаружены свидетельства культового значения огня: как почитаемый очаг, занимающий центральное место, и как способ очищения могилы перед сооружением камеры или совершением захоронения.

Среди мотивов росписи на керамике очень часты вертикальные зигзагообразные фигуры, расположенные параллельными рядами. Постоянные сочетания со спиралями позволяют видеть и в них символы — вероятно, воды. Многочисленность изображений животных — преимущественно диких — отчётливо говорит о большой роли их в мировоззрении носителей уюкской культуры. Здесь, несомненно, отражён целый комплекс представлений, среди которых значительное место занимали магические и близкие к ним, уходящие корнями в более раннее время. В этом плане объяснимы фигуры горных козлов, кабанов и фантастических животных на зеркалах, изображения кошачьих хищников, сцен терзания и борьбы зверей на поясных пластинах и бляшки в виде голов хищных животных и птиц (табл. 77; 78). Можно думать, что изображение, воплощение определённых, высоко ценимых качеств зверей воспринималось как способ их приобретения, как путь усиления действенности разных предметов, служивших оберегами и т.д. Охранительные функции выполняли и многочисленные подвески из клыков, зубов и костей животных.

В сложных композициях отражены, по-видимому, также космогонические, мифологические, а, возможно, и эпические сюжеты.

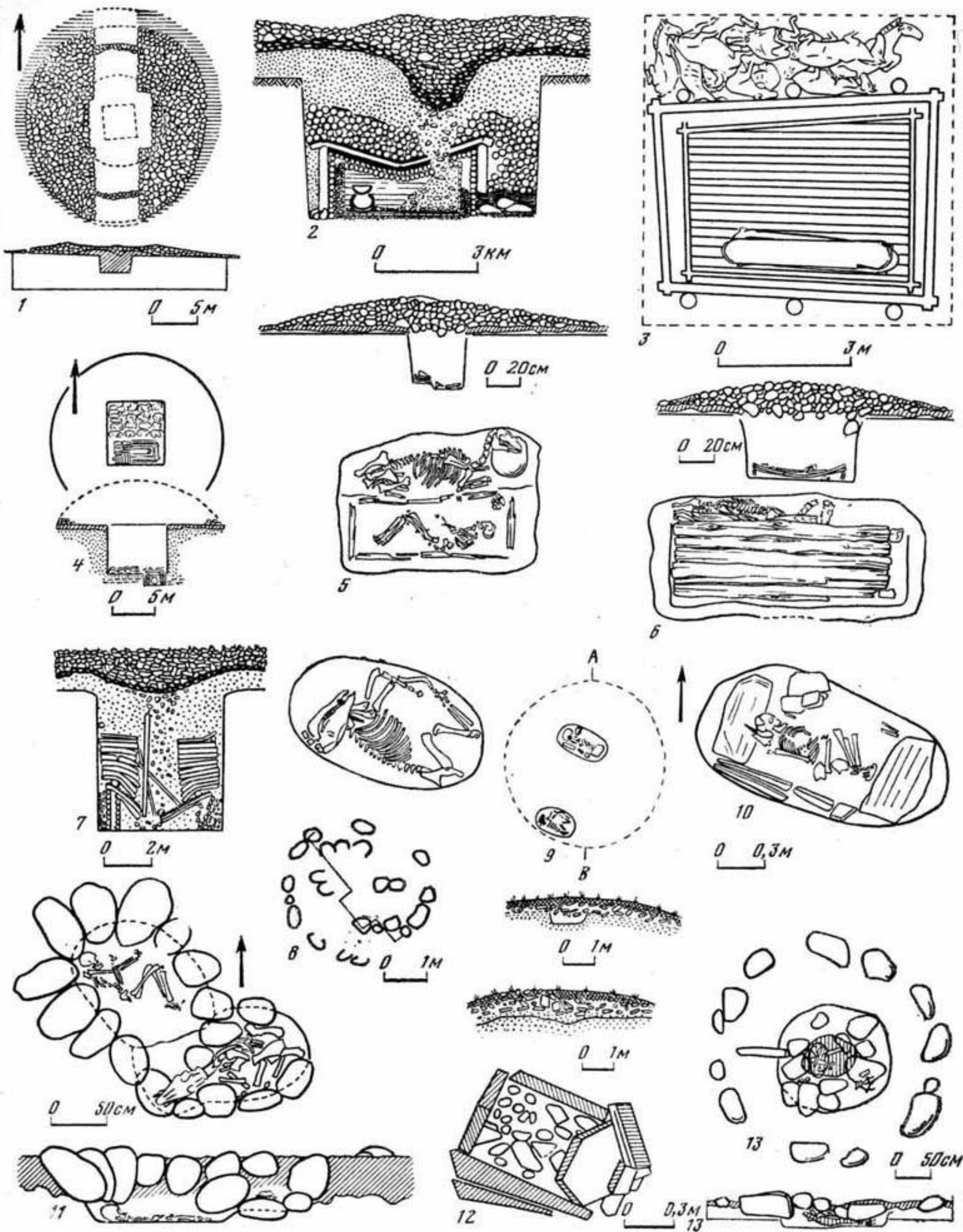

Таблица 60. Разные кочевники Алтая (VIII в. до н. э.—I в. н. э.). Погребальные сооружения

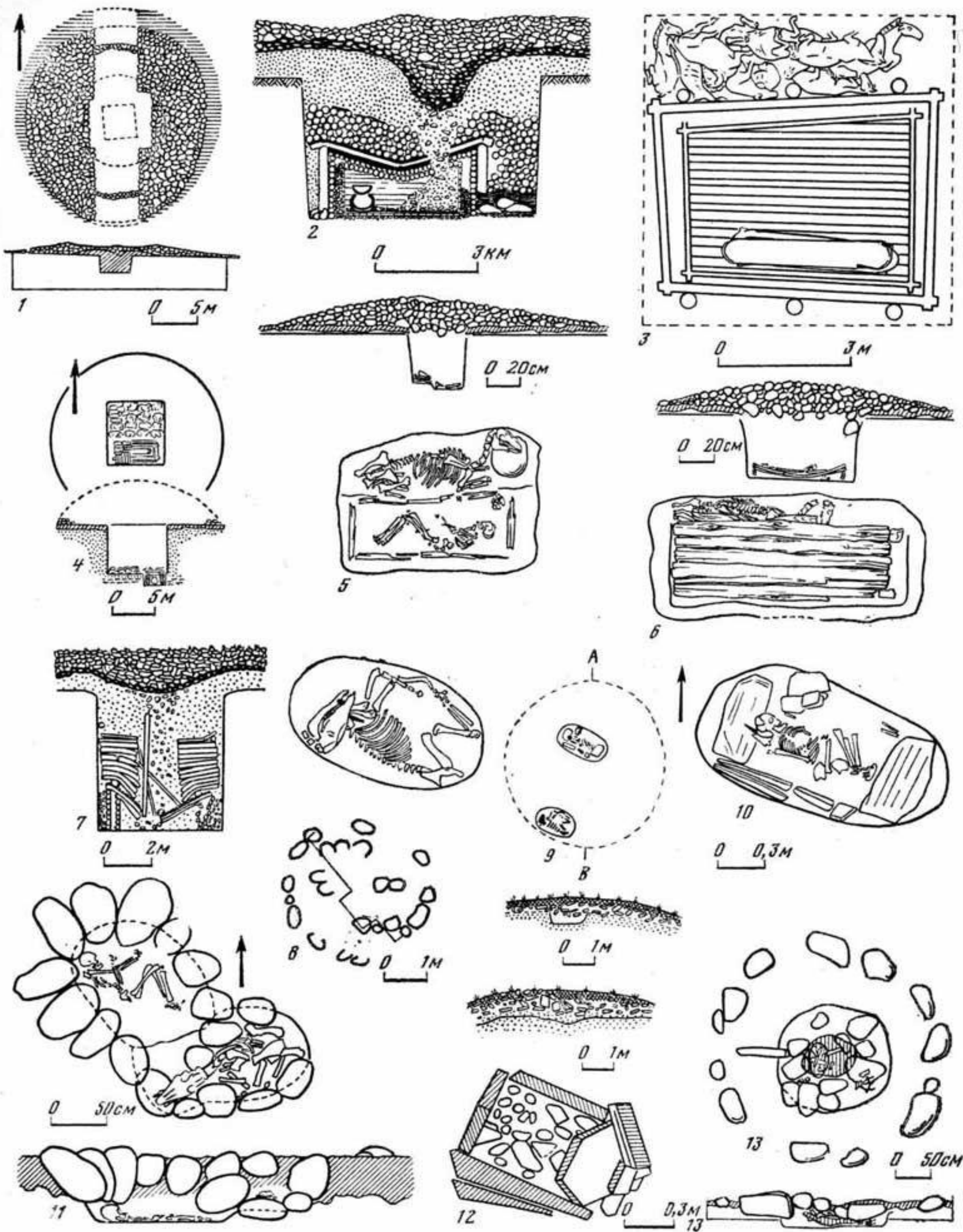

Таблица 60. Разные кочевники Алтая (VIII в. до н. э.—I в. н. э.). Погребальные сооружения

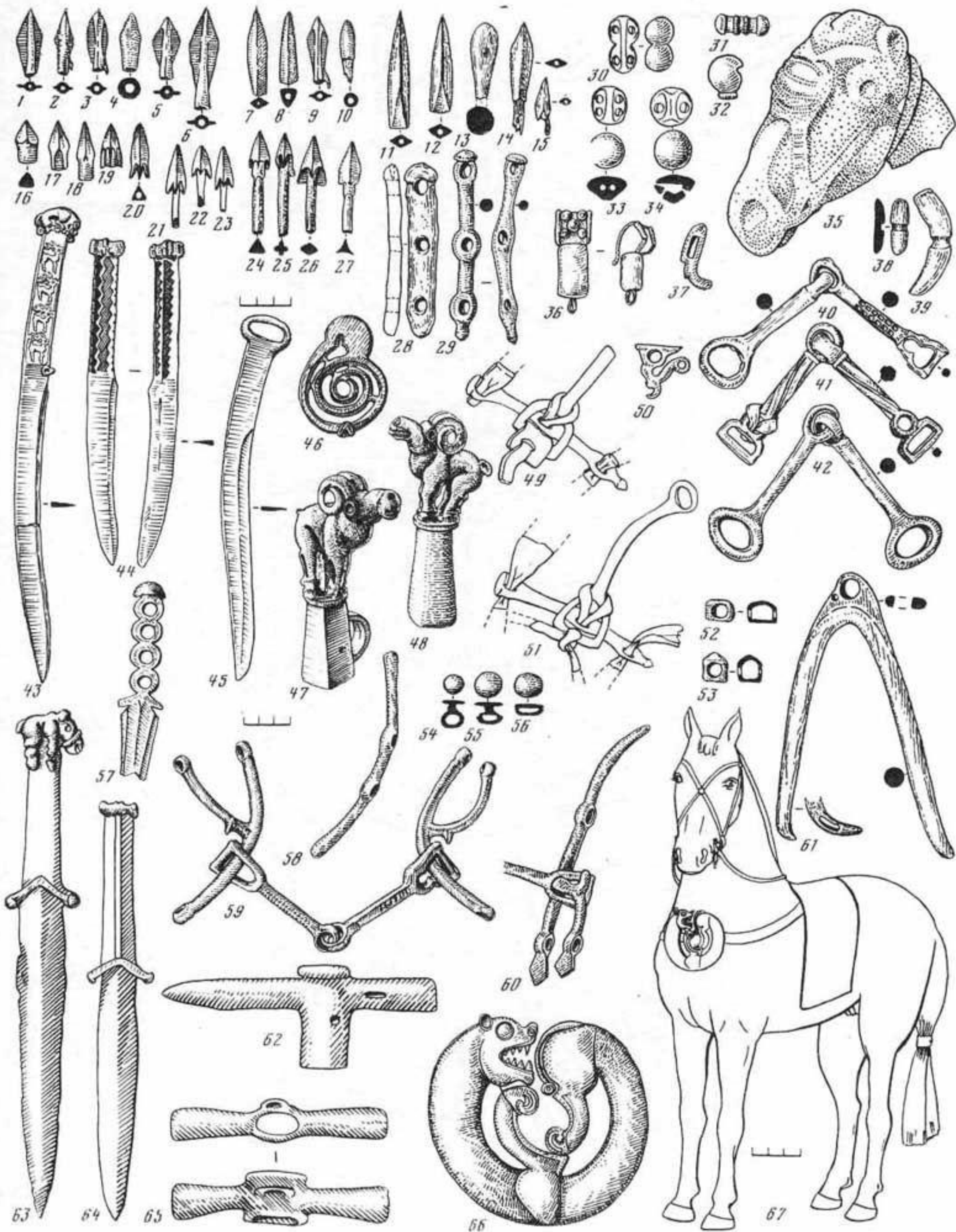

Таблица 72. Ранние кочевники Тувы. Вещи раннего этапа скифского времени

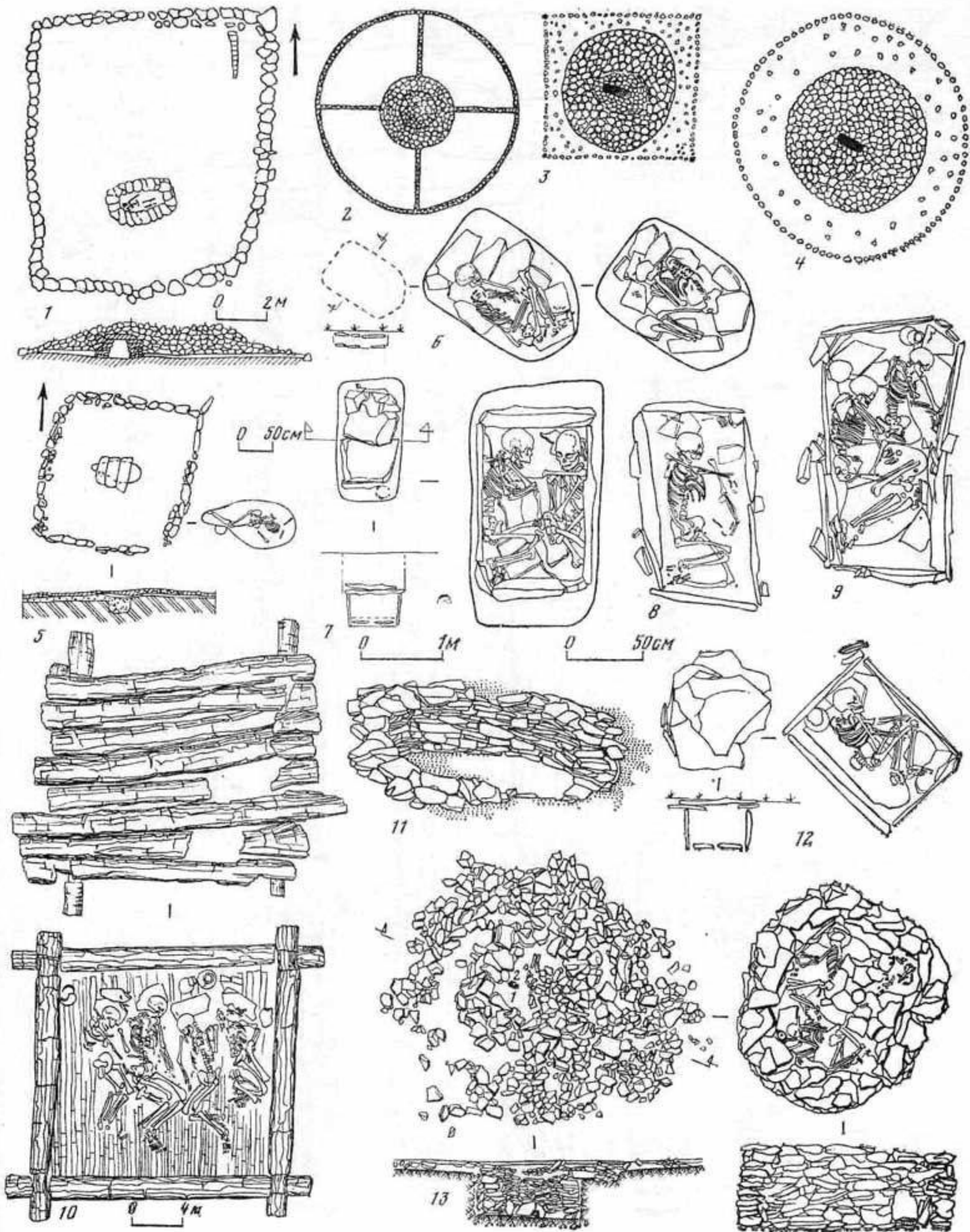

Таблица 73. Ранние кочевники Тувы. Погребальный обряд скифского времени

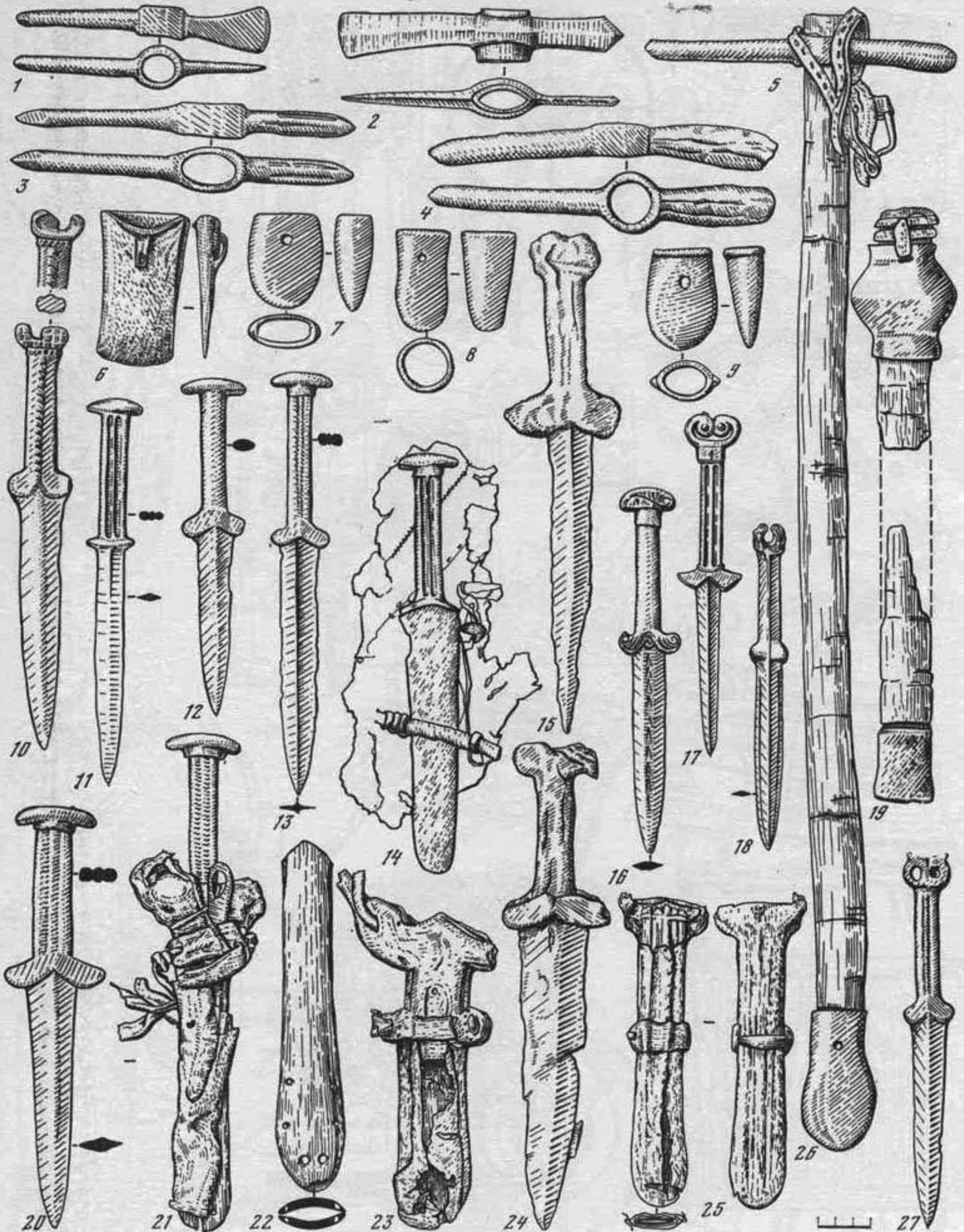

Таблица 74. Ранние кочевники Тувы. Оружие скифского времени

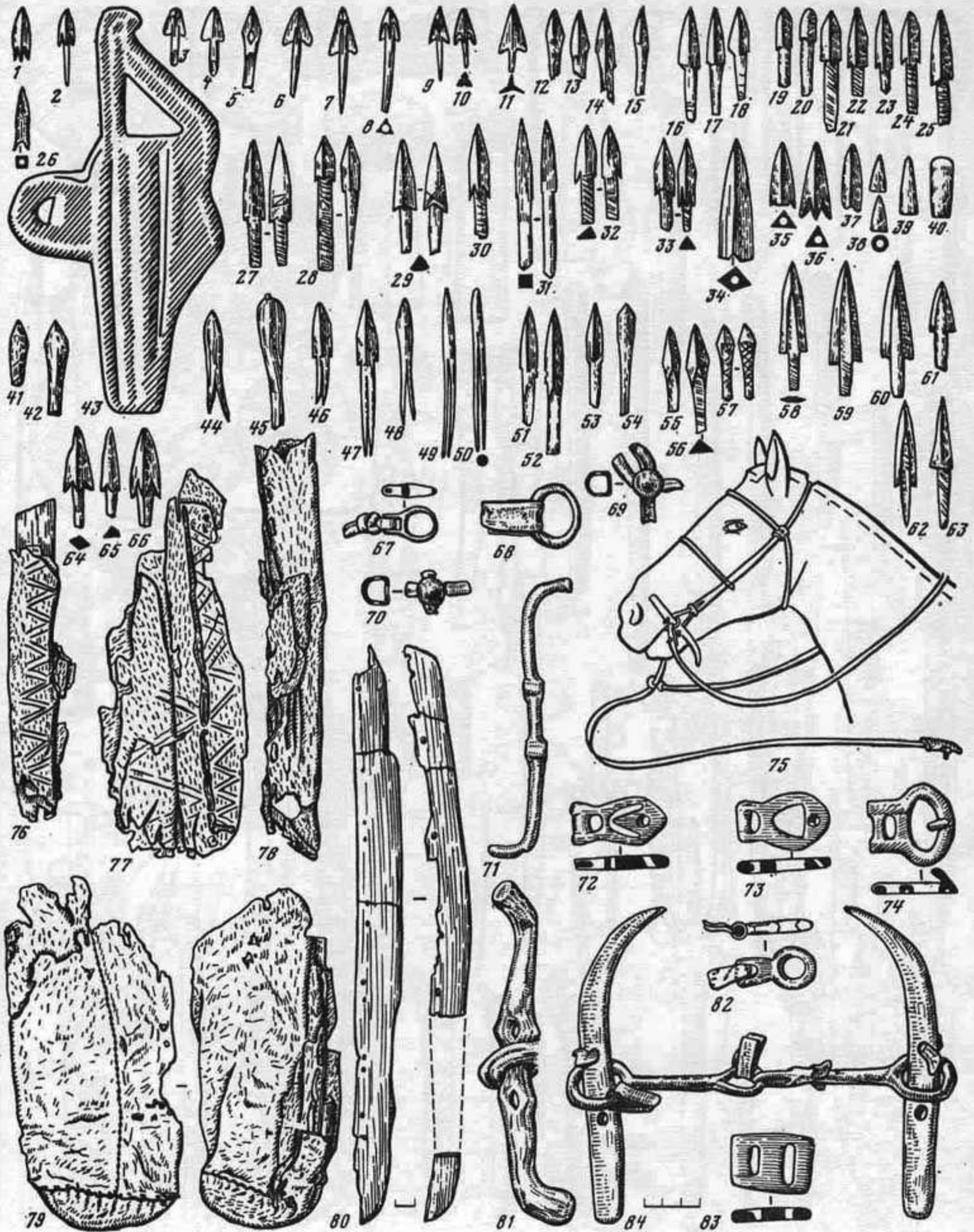

Таблица 75. Ранние кочевники Тувы. Предметы вооружения, конское снаряжение V—III вв. до н. э.

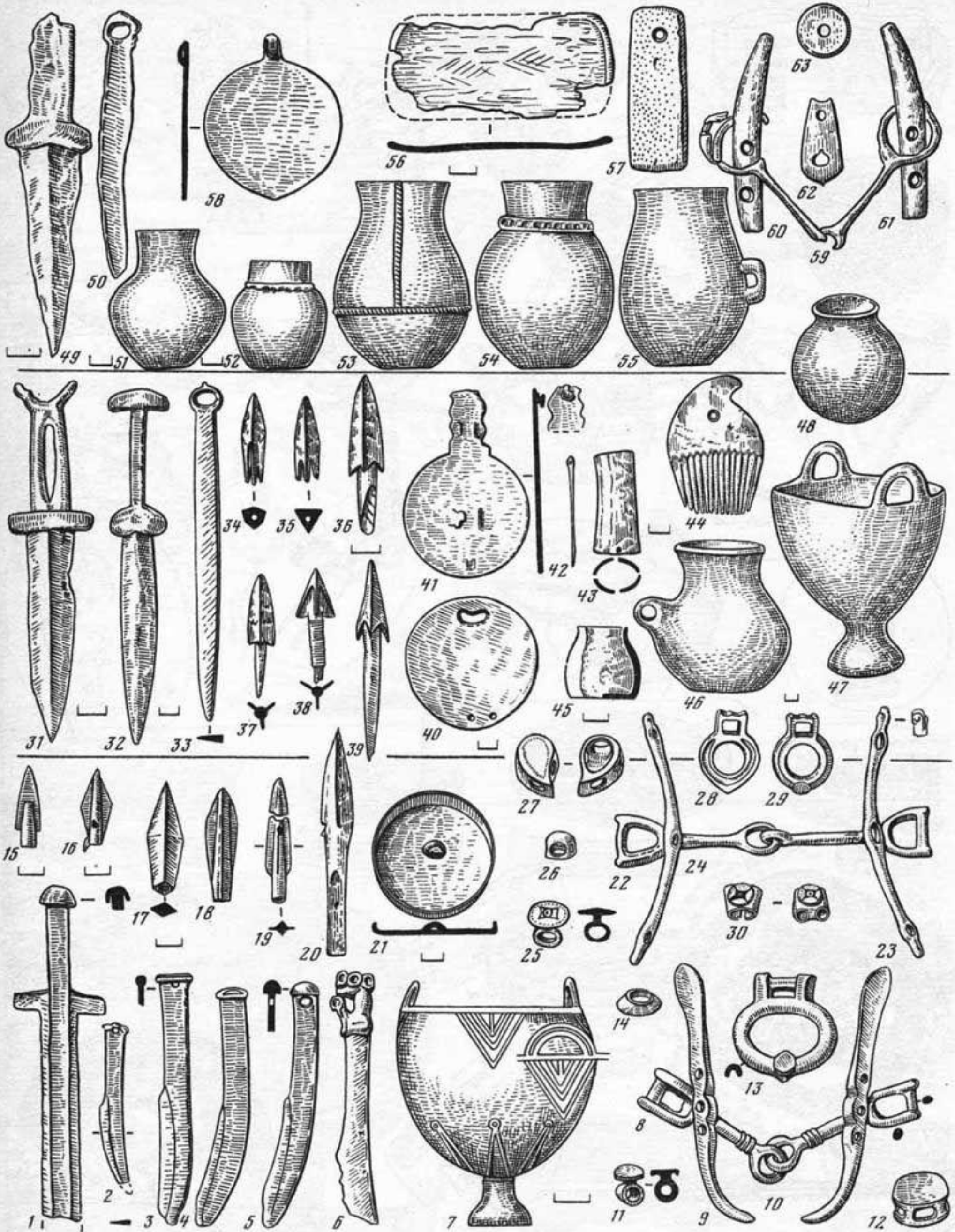

Таблица 56. Материальная культура ранних кочевников Восточного Казахстана. Орудия труда, оружие, посуда

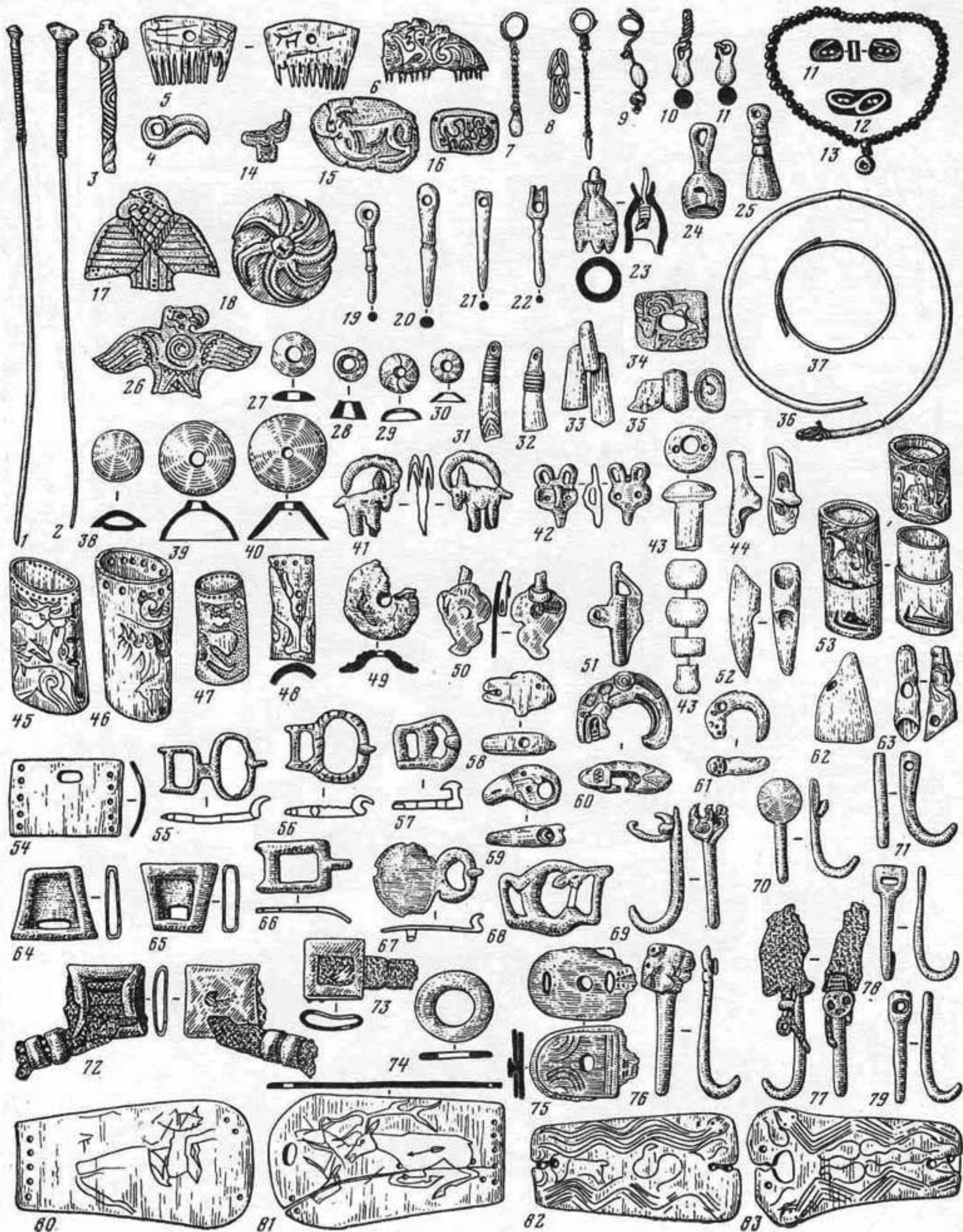

Таблица 77. Ранние кочевники Тувы. Предметы бытового назначения из могильника Аймырлыг

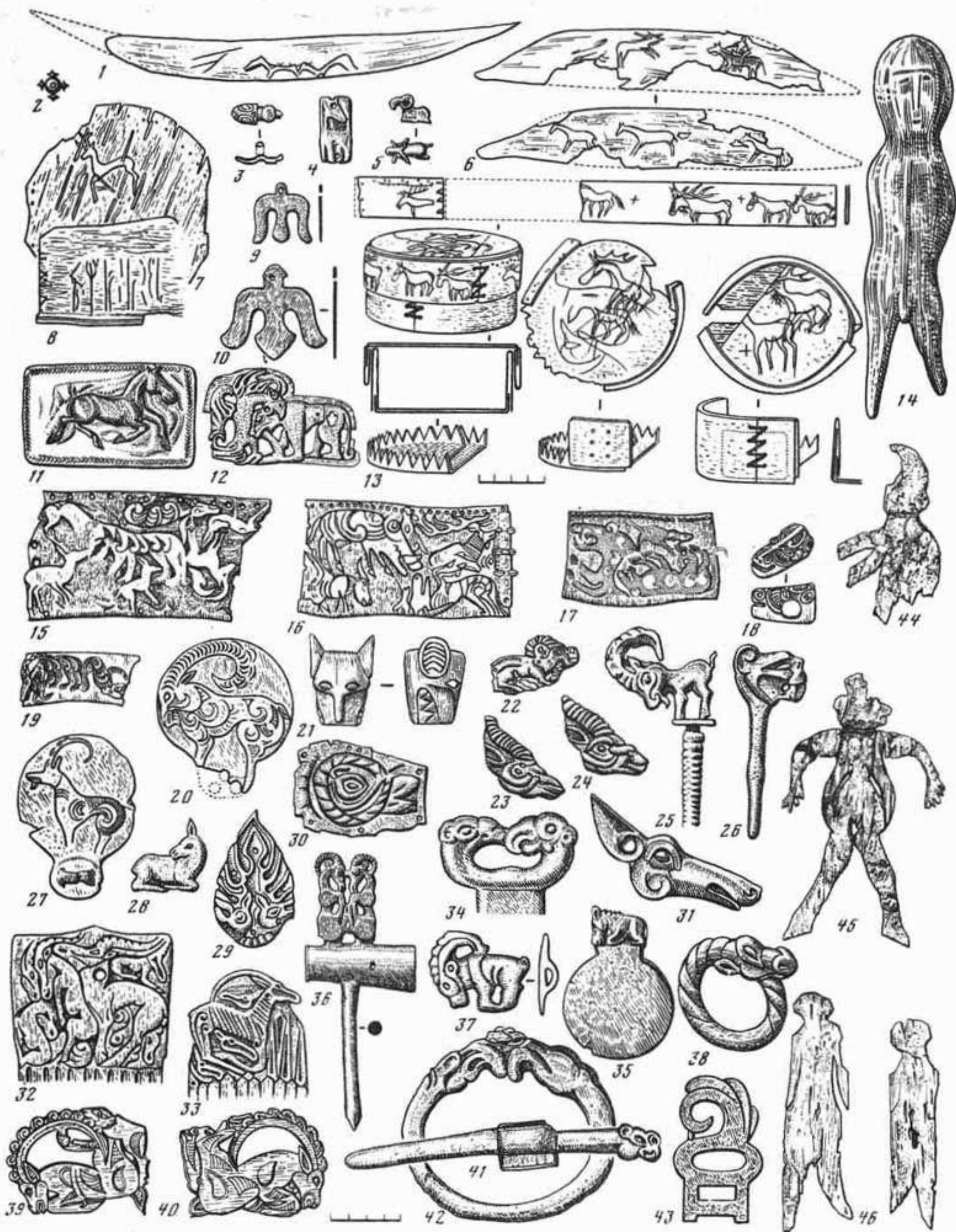

Таблица 78. Ранние кочевники Тувы. Искусство

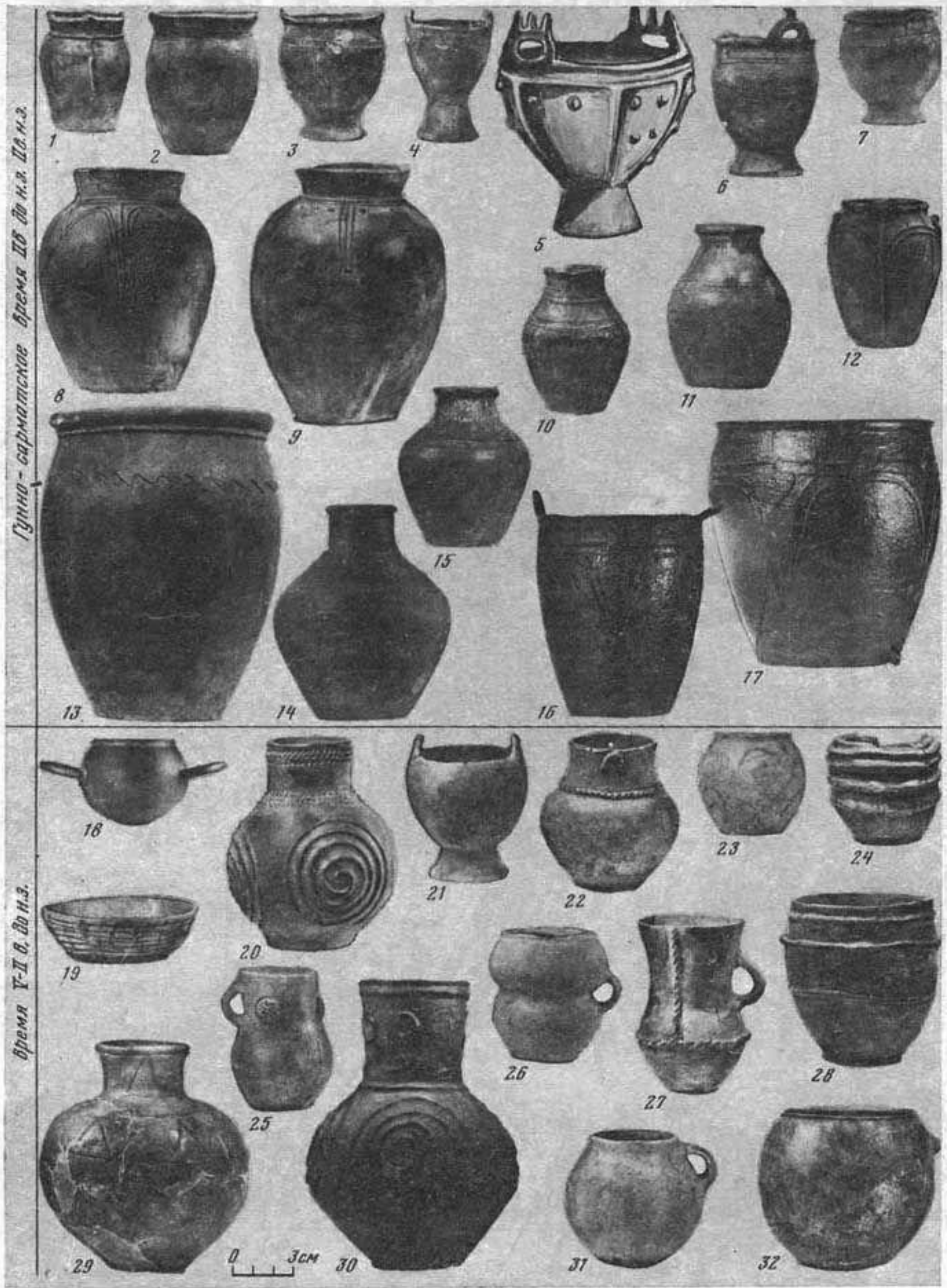

Таблица 79. Ранние кочевники Тувы. Посуда V в. до н. э.—IV в. н. э.